

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. ка
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №2 продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печисной.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1902 г. VI годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВТОРНИКЪ, 1 Января.

СОДЕРЖАНІЕ: Реформа театральнаго законодательства.—Постановленіе воронежской думы.—«Настроеніе» П. Ярица.—Къ юбилею Н. Н. Соловцова *Ното новиз.*—Хроника театра и искусства.—Музыкальныя замѣтки И. Кн—скаго.—Дуэль (стих.) А. Мюссирь-Вижентьева.—Московскія письма П. Ярица.—Театральныя замѣтки А. К—еля.—Свистопляска (повѣсть) М. Любимова.—Заграницей.—Пров. лѣтопись.

№ 1.

Рисунки: «Уличный музыкантъ».—«Оруженосецъ» А. Ростиславова.—«Комета» А. Р—ва.—Возобновленіе «Ееодоры» (2 р.).—Гадингъ въ «Pompadour».—Аллегорія.—Вечеръ оперетокъ С. Ланова.—Виньетки.—Портреты Н. Н. Соловцова (4) и г-жи Рунге.

Приложеніе: «Дѣти Ванюшина», пьеса въ 4 д. С. А. Найденова.

Открыта подписка на 1902 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

52 №№ журнала, 20 пьесъ, 12 вып. Библиотеки, 12 нотн. приложеній, выпуски Словаря сценическихъ дѣятелей.

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.; 1 июля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается исключительно въ главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

Съ 1902 г. мы открываемъ новый отдѣлъ „Совѣтовъ“ для нашихъ подписчиковъ по разнымъ техническимъ вопросамъ театра и театральнымъ постановкамъ. Отдѣлъ будетъ находиться въ завѣдываніи бывшаго режиссера театра Н. Н. Соловцова и Василеостровскаго театра въ Петербургѣ Я. И. Шмитова. „Совѣты“, помѣщаемые 1—2 въ мѣсяцъ, будутъ заключать отвѣты на всякаго рода вопросы, указанія, справки и т. п.

Контора журнала проситъ книжные магазины и подписчиковъ, по ошибкѣ приславшихъ за годовой экземпляръ журнала шесть рублей вмѣсто семи, дослать одинъ рубль. Съ недосланнаго рубля книжные магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5 коп.

С.-Петербургъ 1 Января 1902 г.

Новый годъ начинается крупной новостью. Говорятъ о томъ, что образованіе специальной комисіи для пересмотра театральнаго законодательства, рѣшено въ принципѣ и близко къ осуществленію. Вопросъ о пересмотрѣ театральнаго законодательства возникалъ неоднократно. Комисія В. К. фонъ Плеве по пересмотру Устава о прес. и пред. прест., еще въ 1884 году пришла къ заключенію о необходимости пересмотра театральнаго законодательства, но работы комисіи въ этомъ направленіи не пошли дальше предварительной разработки матеріаловъ. Съ 1884 г. театральная жизнь, между тѣмъ, еще сильнѣе развернулась, чрезвычайно выросла и усложнилась, самый взглядъ на театр и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ значительно измѣнился. Театръ завоевываетъ общественное вниманіе и приобретаетъ характеръ просвѣтительно-культурнаго учрежденія, въ нѣкоторомъ родѣ школы народной. Въ зависимости отъ такой перемѣны во взглядахъ, быстро развились театральныя учрежденія, народились новые виды ихъ въ родѣ народныхъ театровъ, существующихъ при поддержкѣ государства и общества, и имѣющихъ несомнѣнно огромную будущность. Такимъ образомъ несомнѣнно, вопросъ о пересмотрѣ театральнаго законодательства поднимается вполнѣ своевременно. Впрочемъ, вѣрнѣе было бы сказать, вопросъ о созданіи театральнаго законодательства, ибо въ сущности, законы о театрахъ ограничиваются нѣсколькими устарѣвшими и разбросанными въ разныхъ отдѣлахъ нашего кодекса статьями, театральная же жизнь регламентируется отдѣльными циркулярами и разъясненіями, нерѣдко спутанными и противорѣчащими другъ другу. На практикѣ такое положеніе дѣла причиняетъ много недоразумѣній и столкновеній, вызывающихъ потребность

въ новыхъ частныхъ циркулярахъ и разъясненіяхъ. Кодификація должна положить предѣлъ этому шаптанию и дать твердую основу для развитія театральнаго дѣла.

Мы не разъ, само собою разумѣется, вернемся къ подробному обсужденію предстоящихъ работъ. Здѣсь намъ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній общаго характера. Намъ думается, что краеугольнымъ камнемъ новаго законодательства должно лечь опредѣленіе понятія „театръ“—отдѣленіе того, что есть действительно театръ, какъ учрежденіе культурно-просвѣтительное, отъ того, что только по спутанности терминовъ носитъ названіе театра. Смѣшеніе понятій на практикѣ приводило къ весьма своеобразнымъ результатамъ. Укажемъ, на примѣръ, на недавно отмѣненное запрещеніе великопостныхъ спектаклей—существовавшее многіе годы, несомнѣнно отчасти отъ того, что въ понятіи „театръ“ безраздѣльно смѣшивались самыя разнообразныя зрѣлища. Выдѣленіе театровъ въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ учреждений, покоящихся на началахъ искусства и преслѣдующихъ художественныя цѣли, въ отдѣльную покровительствуемую группу зрѣлищъ подняло бы значеніе театра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіе къ артисту.

Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что регламентація такого живого и своеобразнаго дѣла, какъ театръ, можетъ быть полезной только до извѣстнаго предѣла. Излишняя регламентація, какъ и излишняя теоретичность законодательства, въ театральномъ дѣлѣ оказалась бы болѣе губительной, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Поэтому мы равно не придаемъ особеннаго значенія какъ теоретическимъ предпосылкамъ, такъ и подробнѣйшимъ, исчерпывающимъ указаніямъ. Какъ необходимо предоставлять извѣстную свободу суду, такъ точно нельзя обойтись и безъ этой свободы для администраціи. Театральное законодательство должно дать сводъ не слишкомъ многочисленныхъ и многорѣчивыхъ, но вполне ясныхъ основоположеній, отражающихъ разумъ закона и взглядъ законодателя. Не должно быть противорѣчій въ руководящихъ началахъ администраціи, но было бы равно неудобно и для театра, и для администраціи, несущей общую отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе, если бы театральное законодательство увлеклось несбыточной мечтой перечислить всѣ случаи, обстоятельства и явленія, возможныя въ театальной жизни, и разъ навсегда установить для нихъ готовыя нормы.

Что вопросъ о театральномъ законодательствѣ вполне созрѣлъ—доказываютъ труды двухъ сѣздовъ сценическихъ дѣятелей. Использовать одинъ этотъ драгоцѣнный матеріалъ было бы уже большою заслугою комиссіи.

Ниже, въ корреспонденціи изъ Воронежа, сообщается о постановленіи городской думы относительно сдачи театра. Дума постановила включить въ контрактъ воспрещеніе ставить въ театрѣ фарсы и оперетку и давать спектакли подъ праздники и воскресенье, т. е. разумѣется, подъ тѣ праздники и воскресенье, когда это не воспрещается нынѣ дѣйствующимъ циркулярнымъ распоряженіемъ, опубликованнымъ лѣтомъ 1900 г. Ничего нельзя было бы возразить противъ стремленій думъ ввести свой „уставъ“ въ театральную жизнь. Но такъ какъ „уставъ“ этотъ можетъ быть вводимъ только въ одномъ направленіи, въ смыслѣ дальнѣйшихъ изытаній и ограниченій, а не въ смыслѣ дальнѣйшихъ разрѣшеній и послабленій, то для театра, въ эконо-

мическомъ и бытовомъ значеніи этого понятія, рвеніе думъ, подобныхъ воронежской, представляетъ мало отраднаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, думы въ послѣднее время стали считаться съ воспитательнымъ и образовательнымъ характеромъ театра, и это уже шагъ впередъ, по сравненію съ взглядомъ на театръ, какъ на арендную городскую статью, съ которой требуется только взять дальнѣйше. Но если задача думъ ограничится лишь дальнѣйшей, въ развитіе полицейскаго законодательства, регламентаціею театральнаго жизни, то хорошаго тутъ еще немного. Легко ставить и намѣчать программу театральнаго жизни, усердно насаждать благочестіе и издавать въ огражденіе его стѣснительныя и ограничительныя мѣры, но трудно добиться этимъ путемъ улучшенія театральнаго дѣла въ городѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, ограниченіе, наложенное думою гор. Воронежа на арендатора театра, лишаетъ послѣдняго нѣсколькихъ сборовъ, и стало быть, приведетъ къ урѣзванію бюджета. Какія бы, вообще, драконовскія условія ни вписывали думы въ контракты о сдачѣ театровъ, охотники снять ихъ всегда найдутся, и всякій, снявшій театръ, пожелаетъ что-нибудь заработать на дѣлѣ. За чей же счетъ будутъ произведены урѣзки въ бюджетѣ, экономія въ расходахъ и пр.? Разумѣется, за счетъ городского населенія, которому дадутъ труппу похуже, обстановку помизернѣе, репертуаръ позазвонистѣе. Въ итогѣ проиграетъ городъ.

Не отрицая за думами въ принципѣ права сдавать принадлежащія имъ театры на какихъ угодно условіяхъ, особенно, если эти условія являются результатомъ какихъ-либо нравственныхъ, религіозныхъ или культурныхъ соображеній, мы думаемъ, однако, что принципиальное право не всегда совпадаетъ, такъ сказать, съ фактическимъ. Послѣднее создается жертвами, и право за тѣмъ, кто платитъ. Если же думы, сохраняя прежнія арендныя основанія и не давая субсидій, будутъ отягощать театральное дѣло своими законами и условіями, то этимъ онѣ засвидѣтельствуютъ, что ими усвоены лишь верхушки вопроса, а никакъ не существо его. Такъ, воронежская дума, со своимъ усерднымъ благочестіемъ, доказываетъ лишь, что культурная роль театра далека ей, что она видитъ соблазнъ театра, который можно воспретить, но не благо театра, которое должно поощрять изъ городскихъ средствъ...

Въ одной газетѣ, по поводу нашей статьи о воспрещеніи дѣтямъ участвовать въ театральнахъ представленіяхъ, было замѣчено, что хотя мы правы, но тонъ нашей статьи по отношенію къ петербургской думѣ, затѣявшей этотъ шумъ, неумѣстенъ. Охотно сознаемся: нашъ тонъ не былъ достаточно почтителенъ. Но мы полагаемъ, что большинство думъ крайне непочтительно къ театру, и кто знаетъ составъ нашихъ думъ, справедливо возбуждающій нареканія, вслѣдствіе преобладанія „черной сотни“ и „толстосумовъ“, тотъ не найдетъ ничего страннаго въ такомъ отношеніи думъ къ театральному дѣлу. Представляя часто наиболѣе отсталую, закоснѣлую, старинѣ вѣрную, часть городского населенія, городскія думы отражаютъ также и всѣ особенности ея міросозерцанія, и считаютъ всякое постановленіе думы культурной побѣдой—мы никакъ не рѣшаемся.

Истекшее пятилѣтіе журнала ознаменовалось то-варищескимъ обѣдомъ 23 декабря, привлечшимъ не только тѣсный редакціонный кружокъ, но и значи-

тельное число друзей и благожелателей журнала. Это было для насъ и величайшей радостью, и величайшей неожиданностью. „Не имѣй сто рублей — имѣй сто друзей“ гласитъ русская поговорка. Все, что говорилось лестнаго по нашему адресу, считаемъ, въ скромности своей, болѣе проявленіемъ дружескихъ чувствъ, нежели заслуженной оцѣнкой нашей дѣятельности. Мы дѣлали, что могли, и сердцемъ всегда пребывали съ друзьями — вотъ и вся наша заслуга. Но за ласку, за любовь, за привѣтъ низко кланяемся, и всѣмъ, вспомнившимъ насъ, шлемъ отъ души горячее спасибо.*

— ❧ АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. ❧ —

„Настроеііе“.

Когда-то и не такъ давно — все было ясно въ искусствѣ. Были классики, романтики, реалисты, натуралисты — и всякій зналъ, что это такое, чѣмъ характеризуется каждая школа и чѣмъ отличается одна школа отъ другой. Теперь все спуталось и перемѣшалось. Въ новомъ искусствѣ, во всемъ этомъ сложномъ разностороннемъ движеніи, которое называется «modern», казалось бы, несомнѣнна идеалистическая струя. Между тѣмъ въ драмѣ она неожиданно проявилась обиліемъ реалистическихъ подробностей. То, что называется «настроеііемъ», исключительнымъ признакомъ новой драмы, не имѣетъ осязуемой реальной сущности, но оно достигается чисто экспериментальнымъ путемъ — тенденціознымъ подборомъ натуралистическихъ подробностей. Достаточно знать Чехова — творца новой драмы въ Россіи — для того, чтобы съ ясностью чувствовать, что это именно такъ. Жизнь, какъ она есть — сѣренькая, будничная; люди, какъ всѣ, какъ мы сами; дѣйствующія лица характеризуются безчисленнымъ рядомъ мелкихъ натуралистическихъ примѣтъ; дѣйствіе выражается въ безконечныхъ сочетаніяхъ мелкихъ реальныхъ подробностей. А въ результатъ — поэзія, мучительно прекрасное волненіе души, т. е. красота, т. е. единый и неизмѣнный признакъ искусства. Говорятъ, это потому, что въ пьесѣ «настроеііе». Вотъ терминъ, захватанный до

«Оруженосецъ» (Virtus antiqua), рождест. сказка въ 1 дѣйствіи. А. В. Амфитеатрова.

послѣдней возможности и до сихъ поръ не отвѣчающій никакому опредѣленному понятію. Тоже, что «декадансъ», въ которомъ безъ разбора свалены символизмъ, импрессионизмъ, пленэризмъ и т. п. Эти термины проникли въ общество и употребляются съ крайнею развязностью, что еще больше путаетъ и безъ того неясную суть дѣла. Въ эпоху несомнѣннаго возрожденія идеалистическаго искусства, какова наша — появились голоса въ его защиту отъ опасности натуралистическихъ теченій. Въ концѣ концовъ трудно разобратъ въ томъ, что же такое

представляетъ изъ себя «moderne». Если это, какъ можно думать—нѣчто противоположное утилитарному искусству, протестъ противъ меркантильной матеріалистической культуры прошлаго вѣка, то сторонники идеалистическаго искусства должны торжествовать. Между тѣмъ все чаще и чаще раздаются голоса о томъ, что искусство измѣняетъ вѣчнымъ задачамъ прекраснаго въ стремленіи къ возможно точному «подобію» жизни.

«Настроенія—не то, что направленія», сказалъ г. Оминъ въ недавней публичной лекціи, которая собрала переполненную аудиторію. Къ этому отрицательному признаку понятія «настроеніе» г. Оминъ ничего не добавилъ, но на мой взглядъ отвелъ ему соответствующее мѣсто въ рядѣ сходныхъ понятій. Настроеніе всегда существовало и проявлялось въ искусствѣ: субъективное настроеніе художника, съ которымъ онъ писалъ свою картину; настроеніе картины въ зависимости отъ сюжета и красокъ: сюжетъ мрачный или радостный, краски блѣдныя или яркія. Художники всѣхъ школъ и направленій проявляли и возбуждали различныя настроенія. Очевидно, что то новое понятіе, о которомъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не похоже на старое—разъ оно ставится рядомъ съ понятіемъ «направленіе», а не представляетъ одного изъ признаковъ искусства всѣхъ направленій.

Направленіе—не что иное, какъ разъ избранный уголъ зрѣнія, подъ которымъ художникъ желаетъ смотрѣть на жизнь, предвзятое отношеніе искусства къ дѣйствительности. По направленію произведенія искусства раздѣляются не на хорошія и плохія, а на произведенія либеральныя, консервативныя, народническія, оппортунистическія и т. п. Легко видѣть, что здѣсь достоинства произведеній опредѣляются признаками, не имѣющими къ искусству никакого отношенія. Тѣмъ не менѣе въ понятіи «направленіе» есть признакъ, отвѣчающій и понятію «настроеніе» въ его новомъ смыслѣ, потому что это настроеніе—тоже извѣстное отношеніе искусства къ жизни. Слѣдуетъ выяснитъ только, каково это отношеніе.

Въ «Русской Мысли» печатается повѣсть г. Потанки «Путь къ славѣ». Тамъ директоръ театра Горопкинъ, убѣжденный противникъ реализма въ искусствѣ, который онъ считаетъ моднымъ для нашего времени и даже называетъ «новшествомъ», высказываетъ рядъ мыслей—не новыхъ, но очень характерныхъ для современныхъ охранителей искусства.

Искусство иногда позволяетъ себѣ осмѣивать жизнь, говоритъ Горопкинъ. Но этимъ оно выражаетъ только свое презрѣніе къ ней. Но воплощать, отражать... помилуйте! Жизнь этихъ людишекъ, вотъ этихъ самыхъ, которые наполняютъ поѣздъ (Горопкинъ ѣдетъ въ поѣздѣ вмѣстѣ съ нѣкою Ириной Васильевной, которая должна дебютировать въ его театрѣ), такъ ничтожна, такъ груба, такъ однообразна, что, еслибы искусство занималось воплощеніемъ и отраженіемъ ея, то оно занималось бы самымъ пустымъ и ничтожнымъ дѣломъ и гроша мѣднаго не стоило бы. Ахъ, право же, художникъ только притворяется, что онъ воплощаетъ жизнь въ своихъ произведеніяхъ, а въ дѣйствительности, онъ ее игнорируетъ и долженъ игнорировать, а образы свои высокіе создавать и должны создавать изъ самого себя... Возьмите вы лучшіе образцы искусства: возьмите Офелію, Дездемону, Клеопатру, даже хотя бы вашу бѣдную мѣшаночку Луизу Миллеръ (Ирина Васильевна дебютируетъ въ «Коварствѣ и любви») развѣ въ жизни вы видѣли когда-нибудь такіе красивые, такіе возвышенные, такіе глубокие образы? Да ничего подобнаго. Въ жизни мы видимъ не Офелію и Луизу, а барышню, которая хотѣла бы что бы то ни стало выйти замужъ, а нѣтъ, такъ пристроиться получше, побогаче, посытнѣе... Въ жизни мы видимъ не величественно страдающихъ Дездемонъ, не жертвъ своей безконечной невинности, а похотливыхъ бабенокъ, ловко надувающихъ своихъ некрасивыхъ и неинтересныхъ мужей, которые осуждены всю жизнь ѣздить въ департаментъ, а значить всю жизнь быть скучными. Въ жизни

мы видимъ не колоссальныхъ Клеопатръ, а вздорныхъ и несносныхъ ревнивицъ, отравляющихъ своихъ любовниковъ мелкими придирками... Развѣ я не правъ? Такъ съ какой же стати искусству заниматься воплощеніемъ и отраженіемъ всей этой мелочной дряни?

Позвольте съ этимъ сопоставить главу изъ «Дневника писателя», Достоевскаго, которая называется «Золотой вѣкъ въ карманѣ». Это немножко длинно, но это прекрасно и, на мой взглядъ, съ удивительной силой освѣщаетъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этой замѣткѣ.

Въ предъидущей главѣ Достоевскій рассказываетъ о дѣтскомъ балѣ, на который случайно попалъ. Въ «Золотомъ вѣкѣ» описывается, какъ послѣ дѣтскаго бала танцевали взрослые.

А впрочемъ мнѣ было и скучно, то есть не скучно, а немного досадно. Кончился дѣтскій балъ и начался балъ отцовъ, и Боже, какая, однако, бездарность! Всѣ въ новыхъ костюмахъ и никто не умѣетъ носить костюмъ; всѣ веселятся и никто не веселитъ; всѣ самолюбивы и никто не умѣетъ себя показать; всѣ завистливы и всѣ молчатъ и сторонятся. Даже танцовать не умѣютъ. Взгляните на этого вертячагося офицера очень маленькаго роста (такого, очень маленькаго роста и звѣрски вертячагося офицера, вы встрѣтите непрѣменно на всѣхъ балахъ средняго общества). Весь танецъ его, весь приемъ его состоитъ лишь въ томъ, что онъ съ какими-то почти звѣрствомъ, какими-то саккадами, вертитъ свою даму и въ состояніи перевертѣть тридцать—сорокъ дамъ сряду и гордится этимъ; но какая-же тутъ красота! Танецъ—это вѣдь почти объясненіе въ любви (вспомните менуэтъ), а онъ точно дерется. И припаде мнѣ въ голову одна фантастическая и допущая дикая мысль: «Ну, что, подумалъ я, еслибы всѣ эти милые и почтенные гости захотѣли, хоть на мигъ одинъ, стать искренними и простодушными,—во что бы обратились тогда вдругъ эта душная зала? Ну что, еслибы каждый изъ нихъ вдругъ узналъ весь секретъ? Что, еслибы каждый изъ нихъ вдругъ узналъ, сколько заключено въ немъ прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушныхъ чувствъ, добрыхъ желаній, ума,—куда умал—остроумія самаго тонкаго, самаго общительнаго и это въ каждомъ, рѣшительно въ каждомъ изъ нихъ! Да, господа, въ каждомъ изъ васъ все это есть и заключено и никто-то, никто-то изъ васъ про это ничего не знаетъ! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая изъ васъ умѣе Вольтера, чувствительнѣе Руссо, несравненно обольстительнѣе Алкивиада, Донъ-Жуана, Лукрецій, Джульетъ и Беатричей! Вы не вѣрите, что вы такъ прекрасны? А я объявляю вамъ честнымъ словомъ, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, еслибы и всѣхъ-то ихъ сложить вмѣстѣ, не найдется ничего столь прелестнаго, какъ сейчасъ, сію минуту, могло-бы найтись между вами, въ этой-же бальной залѣ. Да что Шекспиръ! тутъ явилось бы такое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ. Но бѣда ваша въ томъ, что вы сами не знаете, какъ вы прекрасны! Знаете-ли, что даже каждый изъ васъ, еслибы только захотѣлъ, то сейчасъ-бы могъ осчастливить всѣхъ въ этой залѣ и всѣхъ увлечь за собой? И эта мощь есть въ каждомъ изъ васъ, но до того глубоко запятанная, что давно уже стала казаться невѣроятною. И неужели, неужели золотой вѣкъ существуетъ лишь на однихъ фарфоровыхъ чашкахъ?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при словѣ *золотой вѣкъ*: честное слово даю, что васъ не заставятъ ходить въ костюмѣ золотого вѣка, съ листкомъ стыдливости, а оставятъ вамъ весь вашъ генеральскій костюмъ вполнѣ. Увѣрю васъ, что въ золотой вѣкъ могутъ попасть люди даже въ генеральскихъ чинахъ. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчасъ,—вы-же старшій по чину, вамъ инициатива,—и вотъ увидите сами, какое пионовское, такъ сказать, остроуміе могли-бы вы вдругъ проявить, совсѣмъ для васъ неожиданно. Вы смѣетесь, вамъ невѣроятно? Радъ, что васъ разсмѣшилъ и однако-же все, что я сейчасъ навосклиналъ, не парадоксъ, а совершенная правда... А бѣда ваша вся въ томъ, что вамъ это невѣроятно.

Невыразимое впечатлѣніе производитъ этотъ отрывокъ рядомъ съ вышеприведенными рѣчами Горопкина объ искусствѣ. Тамъ презрѣніе къ жизни, здѣсь ея обоготвореніе—не во имя ея самой, а во имя заложенныхъ во всякомъ человѣкѣ великихъ возможностей. «Клянусь, что каждый и каждая изъ васъ умѣе Вольтера, чувствительнѣе Руссо, несравненно обольстительнѣе Алкивиада, Донъ-Жуана, Лукрецій, Джульетъ и Беатричей!» Тонъ здѣсь такой теплый, такой любовный; вы ясно чувствуете,

что писателю безконечно дороги всѣ эти люди и все ихъ окружающее—дороги такъ, какъ они есть, и потому, что въ каждомъ изъ нихъ онъ провидитъ то, что *должно* быть и что—вотъ сейчасъ, сию минуту!—можетъ совершиться. Мнѣ кажется, что художникъ, разъ почувствовавшій силу этихъ возможностей, увѣровавшій въ тайну и безконечную красоту души человѣческой—во всякомъ ея проявленіи, въ каждомъ человѣкѣ—неспособенъ къ отвлеченнымъ образамъ. Онъ долженъ мучительно полюбить жизнь, самую жизнь; для него становятся близки и полны глубочайшаго значенія мелкіе штрихи «мелочной дряни», потому что за ними, какъ за тон-

зрѣнія на жизнь, а получило его непосредственно изъ самой жизни. Оно, именно, «настроеніе».

Если бы всѣ люди на балу, который описываетъ Достоевскій, узнали то, что въ нихъ заключено, то въ первую минуту, подавленные внезапно открывшимися безконечными горизонтами, испытали бы рой самыхъ разнообразныхъ чувствъ: и восторгъ, и страхъ, и сладострастную тоску передъ видомъ прекраснаго. Среди нихъ появилось бы то «настроеніе», которое характеризуетъ современное искусство и проявляется въ современной жизни.

П. Ярцевъ.

— ♪ АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. ♪ —

«Комета» В. О. Трахтенберга. 3 актъ. Пикникъ.

(Рис. А. Ростиславова)

кимъ флеромъ, для него просвѣчиваютъ красота и свобода свободной натуры человѣческой. То мучительное и сладостное, почти сладострастное чувство, которое возбуждаетъ въ художникѣ зрѣлище до-ступной взорамъ красоты и свободы,—но отдѣленной флеромъ, неосязуемой, невыраженной въ жизни—составляетъ то, что называется «moderne». Наше время провидитъ «золотой вѣкъ» и трепетно, съ бьющимся сердцемъ, затаило духъ при его приближеніи. Не тотъ золотой вѣкъ, при которомъ генералу пришлось бы закрываться фиговымъ листкомъ (вѣкъ иллюзій и отвлеченностей), а рай *земной*, при которомъ «каждый изъ васъ, еслибъ только захотѣлъ, то сейчасъ бы могъ осчастливить всѣхъ въ этой залѣ и всѣхъ увлечь за собой».

Современное искусство полюбило земного человека, какъ онъ есть, ибо чувствуетъ въ немъ безконечные источники безконечной красоты. Оно не романтизмъ, ибо любитъ земного человека, прежде мечты о немъ; оно не реализмъ, ибо изображаетъ—какъ въ немъ, такъ и во всемъ, что его окружаетъ—сквозь флеръ чувствъ и предметовъ ихъ реальныя возможности, но невыраженныя въ реальной жизни. Оно не направленіе, ибо не избирало себѣ угла

Къ юбилею Н. Н. Соловцова.

10-го января въ Кіевѣ празднуется 25-лѣтній юбилей артистической дѣятельности Н. Н. Соловцова,—дѣятельности, хорошо извѣстной всей театральной Россіи.

Свою карьеру Н. Н. Соловцовъ началъ въ Орлѣ въ 1876 году; въ 1887 году онъ дебютировалъ въ Петербургѣ на Императорской сценѣ, а позже онъ занималъ видное мѣсто въ Москвѣ, въ театрѣ Корша, въ качествѣ артиста и режиссера труппы. То былъ расцвѣтъ коршевскаго театра, въ труппѣ котораго были такія выдающіяся силы, какъ Давыдовъ, Градовъ-Соколовъ, Солонинъ, Рошинъ и друг. Изъ Москвы Н. Н. Соловцовъ переноситъ въ восьмидесятыхъ годахъ свою дѣятельность на Югъ, въ Харьковъ, Кіевъ и наконецъ въ Одессу. До начатія собственнаго дѣла Н. Н. Соловцовъ былъ приглашенъ въ харьковское товарищество на мѣсто покойнаго Н. И. Новикова. По раздѣленіи харьковскаго товарищества (часть товарищества уѣхала въ Казань къ антрепренеру г. Бородаю), премьеры харьковской труппы гг. Недѣлинъ, Соловцовъ, Чужбиновъ основали въ томъ же году собственное товарищество въ кіевскомъ театрѣ Бергонье. Въ составѣ этого товарищества Н. Н. Соловцовъ пробылъ два года и затѣмъ основалъ свой драматическій театръ въ Кіевѣ, который и пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ у кіевской публики въ теченіе десяти лѣтъ. Въ труппу, кромѣ инициаторовъ товарищества, вошли: г-жи Днѣпровъ, Глѣбова, покойная Немировичъ, Шаровьева, Анненская, Велизарій и неизмѣнные друзья соловцовскаго дѣла покойные гг. Киселевскій и Рошинъ-Инсаровъ. Почти всѣ эти силы были и въ соловцов-

скомъ товариществѣ. Соловцовъ далъ главный артистическій кадръ кievскому театру на цѣлое десятилѣтіе. Въ 1898 г. кievскимъ домостроительнымъ обществомъ выстроень для Н. Н. Соловцова новый прекрасный театръ, названный именемъ Соловцова; въ этотъ театръ Н. Н. и перенесъ свою дѣятельность. Дѣятельность Н. Н. Соловцова въ Одессѣ началась въ 1898 г.

До водворенія Н. Н. Соловцова въ Кіевѣ, постоянной русской драмы не существовало. За время 10-тилѣтней антрепризы Н. Н. Соловцова въ составѣ труппы находились лучшія артистическія силы, какъ-то: А. В. Анненская, М. И. Велизарій, М. М. Глѣбова, А. Я. Гламма-Мещерская, Э. Ф. Дифпрова, М. И. Звѣрева, М. И. Морская, В. И. Немировичъ, А. А. Паскалова, А. Г. Тугаринова, Э. В. Холмская, М. К. Шаровьева и др.; гг. А. А. Агаревъ, А. В. Анчаровъ-Эльстонъ, М. Ф. Багровъ, Э. Д. Бастуновъ, Л. М. Леонидовъ, И. П. Киселевскій, М. А. Михайловъ, Е. Я. Недѣлинъ, Н. С. Песоцкій, В. Я. Полтавцевъ, С. П. Поповъ, Н. П. Рошинъ-Инсаровъ, Н. А. Самойловъ-Мичуринъ, П. Л. Скуратовъ, В. О. Степановъ, Т. А. Чужбиновъ, И. М. Шуваловъ и др.

Кромѣ артистической и сценической дѣятельности въ гор. Кіевѣ развивалась и общественная дѣятельность Н. Н. Соловцова. Такъ за это время было дано 63 благотворительныхъ спектакля, причѣмъ поступило въ пользу благотворительныхъ учрежденій 44,839 р., также дано 108 спектаклей для учащихся по уменьшеннымъ цѣнамъ и роздано въ разныя учебныя заведенія 33,370 бесплатныхъ билетовъ, кромѣ того бесплатныхъ дано 10 спектаклей.

Съ 1900 г. Н. Н. Соловцовъ издаетъ также «Кievскую газету», неуступающую лучшимъ провинціальнымъ изданіямъ и быстро приобретающую популярность среди читателей.

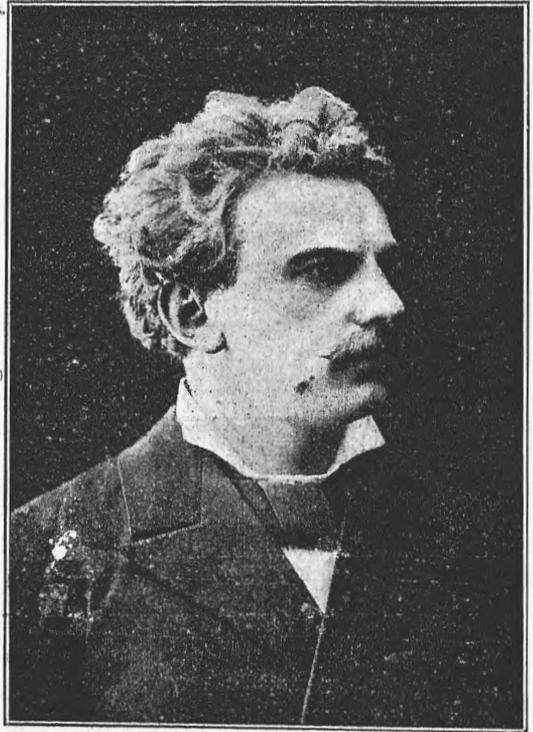
Чтобы охарактеризовать дѣятельность Н. Н. Соловцова, въ качествѣ антрепренера, приведемъ еще нѣсколько цифръ. Первый сезонъ 1891—92 г. далъ 83,512 р. сбора, при 71,249 посѣтителяхъ. Затѣмъ, прогрессивно увеличиваясь, сборы дошли въ 1899—900 г. до 129,047 руб. при 117,675 посѣтителяхъ. Островскій шелъ 152 раза, Гоголь—45 разъ, Грибоѣдовъ—24, Лермонтовъ—9, Фонвизинъ—10, Тургеневъ—24, Шекспиръ—44 раза, Ал. Толстой—70, Левъ Толстой—37, Сухово-Кобылинъ—15, Писемскій—1, Шиллеръ—19, Мольеръ—27, Бомарше—11 разъ. Итого 488 спектаклей изъ общаго числа 1,486 спектаклей были отданы классическому репертуару, почти треть. Прибавивъ къ этому часто ставившіяся пьесы Гауптмана, Ибсена, Чехова и др., мы получимъ, въ общемъ, репертуаръ, который можно было бы поставить въ образецъ казенной сценѣ.

Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.

Н. Н. Соловцовъ въ роли Гамлета.

Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.

Н. Н. Соловцовъ въ началѣ 80-хъ годовъ.
(Съ казанской фотографіи).

Какъ актеръ, Н. Н. Соловцовъ пользовался большимъ успѣхомъ въ роляхъ Сквозника-Дмухановскаго, Геншеля, Ашаня, выступалъ часто въ Гамлетѣ, Отелло, Кипѣ и другихъ роляхъ классическаго репертуара. Режиссеръ Н. Н. Соловцовъ прекрасный, но, къ сожалѣнію, его многочисленныя обязанности, неизбежныя при разносторонней и кипучей дѣятельности директора двухъ театровъ, отвлекають его отъ этого прямого дѣла, для котораго у него есть умъ, дарованіе, страстная любовь къ дѣлу, и что, быть можетъ, самое главное,—мягкость и ласковость нрава, обяательно дѣйствующая на труппу. Н. Н. Соловцова всѣ любятъ, и всѣ ему доверяють. Служить у Соловцова безъ контракта — дѣло самое обычное. Соловцовъ—джентльменъ. Соловцовъ—общій любимецъ. Есть такіе счастливые характеры и люди, которые однимъ своимъ появленіемъ даютъ спокойствіе и увѣренность. «Этого прокормить», какъ говоритъ, кажется, мужикъ въ «Плодахъ просвѣщенія». Да, именно таковъ — Н. Н. Соловцовъ, съ его статной фигурой, пріятной осанкой и улыбкой, отъ которой всѣмъ становится отрадно на душѣ.

Я познакомился съ Н. Н. Соловцовымъ въ Кіевѣ, зимою 1899 г. Быть въ Кіевѣ и не знать Николая Николаевича—это больше, чѣмъ быть въ Римѣ и не видать папы. Во всякомъ случаѣ, папа скрывается въ потайныхъ покояхъ Ватикана, и всенародно появляется рѣдко, тогда какъ Н. Н.—общій другъ, «кумъ и благодѣтель», который бываетъ вездѣ и котораго вездѣ ищутъ.

Мы разговорились. Меня сразу подкупила особенная ласковость тона и взгляда Н. Н. Соловцова, это «благоволеніе», которое отъ него исходитъ.

Въ театрѣ онъ мнѣ показывалъ костюмы, заказанные имъ для «Трилогіи» Толстого. Всѣ новехонькіе, хотя уже бывшіе въ употребленіи, чистенькіе, свѣжіе. Чувствовалось, что всякій предметъ театральнаго обихода полонъ для Н. Н. Соловцова особеннаго значенія, понятнаго только для тѣхъ, кто выросъ среди кулисъ и сроднился съ ними.

Какъ режиссеръ, Н. Н. Соловцовъ поразилъ меня превосходной постановкой «Геншеля». Въ прошломъ сезонѣ «Геншеля» привезъ въ Петербургъ московскій Художественный театръ. Сравненіе невыгодное для московскаго театра. Постановка у Соловцова художественно проста, ясна, прозрачна, вполне передаетъ духъ автора, его намѣренія, тогда какъ московскій художественный театръ громоздитъ подробности, и совершенно заслоняетъ прекрасное произведеніе Гауптмана выдумками режиссерской фантазіи, инкрустаціями, на которыя такой мастеръ г. Станиславскій, и что, по моему глубокому убѣжденію, скорѣе мѣшаетъ его дарованію, нежели способствуетъ ему. Третій актъ «Геншеля» у Соловцова оставилъ во мнѣ впечатлѣніе громадное, неизгладимое, которое я могу сравнить только съ впечатлѣніемъ отъ 3 акта «Власти тьмы»,

Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.

Н. Н. Соловцовъ.
(Съ современнаго портрета).

при первой постановкѣ пьесы въ Петербургѣ. Гауптманъ выросъ, такъ сказать, во весь ростъ своего прекраснаго таланта, обнаружилъ художника яснаго, сознательнаго, мощнаго, чего не даетъ ни «Погонувшій колоколь», ни «Одинокіе», ни «Крамеръ» — по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ постановкахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть.

Н. Н. Соловцовъ игралъ Геншеля отлично: во всякомъ словѣ его чувствовалась близость къ народной душѣ, простота не дѣланная и вымученная, но идущая отъ сердца. Быть можетъ, мѣстами не мѣшало бы больше темперамента, но художественный образъ вышелъ законченнымъ и рельефнымъ.

Я попенялъ, что Соловцовъ такъ рѣдко самъ ставитъ спектакли: увь, «суета» міра отвлекаетъ его. Между тѣмъ, судя по

Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности.

Н. Н. Соловцовъ въ роли Сквозникъ-Дмухановскаго.

Геншелю, онъ такъ чувствуетъ сцену, такъ проникается авторомъ, съ такою инстинктивною музыкальностью беретъ темпъ, что «воздержаніе» Н. Н. Соловцова есть сущій ущербъ для русскаго театра, и это совсѣмъ не юбилейная фраза.

Отъ души желаю Н. Н. Соловцову дальнѣйшихъ успѣховъ. Кого такъ любятъ, какъ его, тотъ можетъ спокойно оглянуться на прожитую жизнь. И кто такъ чувствуетъ дарованіе, какъ онъ, — тотъ самъ истинный художникъ въ душѣ...
Ното попис.

ХРОНИКА

Театра и искусства.

По поводу исполнившагося пятилѣтія существованія нашего журнала, кружокъ сотрудниковъ и лицъ, сочувствующихъ изданію, устроилъ 23 декабря въ ресторанѣ „Медвѣдь“ обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе ста человекъ. Изъ числа сотрудниковъ здѣсь находились: В. И. Бентовинъ, В. В. Билибинъ, Ю. Д. Вѣляевъ, А. И. Гриневская, О. И. Дымовъ, управляющая конторой журнала Е. Т. Клименкова, И. М. Кнорозовскій, Г. Р. Кугель, секретарь редакціи В. А. Линскій-Вакулинъ, А. А. Мюссаръ-Викентьевъ, Ю. Э. Озаровскій, С. О. Стутинъ, Н. Ф. Федоровъ, Я. И. Шмитовъ и др. Отъ Русскаго театральнаго общества присутствовали: предсѣдатель А. Е. Молчановъ, тов. предсѣдателя Я. А. Плющигъ-Плющевскій, члены совѣта: М. Г. Савина, П. М. Медвѣдевъ, секретарь Н. О. Арбенинъ. Затѣмъ изъ артистическаго міра были: А. А. Агаревъ, А. П. Андросова, К. В. Бравичъ, С. В. Брагинъ, Е. М. Грановская, А. Д. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, Е. Ф. Ервская, К. В. Кручинина, Куза, П. Д. Ленскій, Е. А. Мосолова, О. В. Некрасова-Колчинская, А. И. Новикова, Х. О. Петросьянъ, С. О. Сабуровъ, М. А. Сурская, Г. В. Тартаковъ, Я. С. Тинскій, Н. М. Топорская, А. С. Черновъ, Е. Е. Черновъ, Ю. М. Юрьевъ и др. Кромѣ того присутствовали: издатель „Новаго Времени“ А. С. Суворинъ, редакторъ „Петерб. Газ.“ Н. С. Худековъ, управляющій конторой Императорскихъ театровъ В. П. Лаппа-Старженецкій, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати И. М. Литвиновъ, цензоръ драматич. сочиненій П. П. Исавичъ, композиторъ Ю. И. Влейхманъ, литераторы и журналисты: В. Г. Авсѣенко, В. С. Баскинъ, Л. А. Берниковъ, Гарвей, А. К. Гермонисъ, Н. Э. Гейнце, Л. Ю. Гольштейнъ, М. Б. Городецкій, Н. Ф. Дингельштедтъ, В. М. Дорошевичъ, Л. Г. Ждановъ, Е. П. Карповъ, П. Ф. Левдикъ, А. А. Плещеевъ, И. Н. Поталенко, В. В. Протопоповъ, Рыбаковъ, В. Я. Свѣтловъ, В. О. Трахтенбергъ, В. В. Туношенскій, художники: Н. Ш. Кравченко и П. И. Ассатуровъ, баронесса А. И. Радошевская, О. И. Петровская, представитель типографіи Т-ва „Трудъ“ А. С. Мандель и мн. друг. читатели и друзья изданія.

З. В. Холмскую и А. Р. Кугеля собраніе встрѣтило аплодисментами, причемъ З. В. былъ поднесенъ букетъ. Первый тостъ за журналъ „Театръ и Искусство“ провозгласилъ А. Е. Молчановъ.

О значенія журнала, — сказалъ ораторъ, — болѣе всего свидѣтельствуетъ выраженіе, установившееся ереди сценическихъ дѣятелей, которые называютъ „Театръ и Искусство“ — „наша газета“. „Провозглашаю тостъ за „нашу газету!“ закончилъ свою рѣчь почтенный ораторъ. Слово А. Е. Молчанова было покрыто дружными аплодисментами.

Затѣмъ Е. П. Карповъ поднялъ бокалъ за редактора А. Р. Кугеля.

В. В. Протопоповъ въ здравницѣ за З. В. Холмскую указалъ на мягкость женщины, которая, передаваясь редакціи, сообщила журналу такой симпатичный, чуткій къ артистическимъ самолюбіямъ, тонъ. Этотъ тостъ былъ встрѣченъ въ высшей степени сочувственно, и всѣ чокнулись съ З. В. Холмской.

Отъ имени сотрудниковъ говорилъ редакторъ музыкальнаго отдѣла журнала, И. М. Кнорозовскій. Пространная рѣчь послѣдняго заключала, кромѣ сердечнаго привѣта редакціи, указаніе на значеніе журнала для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня артистической семьи.

К. В. Бравичъ указалъ на то, что ростъ журнала и его успѣхъ тѣсно связаны съ ростомъ актерскаго самосознанія, и провозгласилъ тостъ за „актерскую семью“.

А. Р. Кугель произнесъ два отвѣтныхъ слова. Въ первомъ онъ замѣтилъ, что считаетъ сильно преувеличенными сужденія о его заслугахъ. Онъ дѣлалъ, что ему нравилось и доставляло удовольствіе, и самый трудъ его былъ уже достаточнымъ вознагражденіемъ. Ораторъ закончилъ тостомъ за всѣхъ друзей изданія.

Во второмъ словѣ А. Р. Кугель предложилъ тостъ за А. Е. Молчанова, какъ представителя Театральнаго Обще-

ства, являющагося наиболѣ яркимъ подтвержденіемъ роста актеровъ, какъ самосознающей соціальной единицы.

Затѣмъ ораторъ предложилъ тостъ за сотрудниковъ, съ истиннымъ самоотверженіемъ и великимъ безкорыстіемъ работавшимъ для общаго дѣла. Конецъ рѣчи носилъ нѣсколько юмористическій характеръ, и былъ посвященъ двумъ покойникамъ, принесшимъ журналу счастье.

Было произнесено еще нѣсколько тостовъ за М. Г. Савину, А. С. Суворина, В. Г. Авсѣенко, за И. М. Литвинова, П. П. Исаевича и друг.

Во время и послѣ обѣда было получено не мало привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Отъ П. И. Вейнберга прислано слѣдующее привѣтствіе:

«Примите мое искреннее поздравленіе и не менѣе искреннее желаніе, чтобы никогда не ослабѣвала та устойчивая энергія, съ которою Вы ведете свое трудное, очень трудное дѣло. Надо надѣяться, что въ концѣ концовъ Вы одержите побѣду надъ всѣми препятствіями, и такъ какъ Ваша работа вполне заслуживаетъ этой побѣды, то этотъ результатъ будетъ отраденъ и для тѣхъ, кто серьезно и сочувственно относится къ задачамъ искусства».

Отъ редактора „Нов.“ О. К. Нотовича:

«Сердечно поздравляю Васъ. Изданіе спеціального органа для публики, еще не вполне усвоившей себѣ потребности въ общей печати, дѣло большихъ трудовъ, заботъ и страданій. Честь и слава Вамъ!».

Отъ артистки М. И. Долиной-Горленко:

«Сердечно сожалѣемъ, что не могли быть на обѣдѣ. Примите наше сердечное пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія Вашему превосходному журналу».

Отъ И. Л. Щеглова: «Привѣтствую съ краткимъ, но почетнымъ юбилеемъ и отъ души желаю дальнѣйшаго и прочнѣйшаго процвѣтанія животренещущему дѣлу, «Театра и Искусства». Вивать!».

Отъ редакціи газеты «Русское Слово»: «Редакція «Р. С.», шлетъ свой сердечный привѣтъ талантливому основателю и руководителю «Театра и Искусства» — журнала, который въ короткое время существованія вполне заслуженно занялъ прочное положеніе въ русской журналистикѣ. Отъ души желаемъ Вашему молодому дѣтищу, многоуважаемый Александръ Рафаиловичъ, рости и процвѣтать во славу родного театра и на пользу русскаго искусства».

Отъ Г. О. Габриловича: «Лишенный возможности быть на сегодняшнемъ редакціонномъ праздникѣ, шлю сердечнѣйшее поздравленіе неутомимому редактору «Театра и Искусства», сумѣвшему поставить журналъ на такую высоту, какой не достигалъ у насъ ни одинъ изъ театральнхъ органовъ. Отъ всей души желаю и дальнѣйшаго процвѣтанія симпатичному изданію, въ успѣхъ котораго при такомъ руководителѣ, впрочемъ, не можетъ быть сомнѣнія».

Отъ Лоло телеграмма въ стихахъ:

Люблю твой умъ, талантъ, идеи,
Радъ всей душой твоимъ побѣдамъ,
Но я боюсь, чтобъ лицедѣи
Тебя не съѣли за обѣдомъ».

Отъ управляющаго московскимъ Бюро Театр. Общ. И. О. Пальмина:

«Поздравляю З. В. Холмскую и А. Р. Кугеля съ первымъ пятилѣтнемъ «Театра и Искусства». Искренно желаю юному журналу долголѣтія. Привѣтствую сотрудниковъ. Сожалѣю, что лишенъ возможности участвовать на вашемъ праздникѣ».

Отъ Ѳ. Н. Латернера:

«Отъ души поздравляю васъ и Зинаиду Васильевну съ пятилѣтнемъ журнала «Театръ и Искусство», единственнаго русскаго театральнаго органа, являющагося центромъ, объединяющимъ всѣхъ, кому дороги и театр, и искусство. Ваша громадная заслуга въ томъ, что вы вдохнули въ журналъ жизнь, дали ему честное направленіе, сдѣлали его органомъ серьезнымъ и безпристрастнымъ въ нашъ вѣкъ лицемерія и продажности. Вы сами и ваше дѣтище сохранили тѣ драгоценныя качества, которыя такъ дороги всѣмъ безкорыстно любящимъ искусство. Дай Богъ, чтобы «Театръ и Искусство» существовалъ еще много много лѣтъ, и неизмѣнно служилъ тѣмъ честнымъ завѣтамъ, которымъ служите вы».

Отъ А. А. Измайлова: «Присоедините и мой сердечный привѣтъ къ поздравленіямъ наиболѣ искреннихъ друзей вашего журнала. Пребываніе на посту редактора чисто литературнаго или театральнаго органа въ наши дни нужно считать, какъ считалась служба во время Севастопольской кампаніи, привѣтъ мой поэтому исполненъ глубокаго уваженія. Желаю журналу таланта и искусства излишне. Желаю ему и редактору славы и счастья».

Отъ Н. Е. Эфроса: Желаю «Театру и Искусству» и впредь столь блестяще, съ такою же искренностью и силой, дѣлать свое большое художественное дѣло.

Отъ С. А. Потресова-Лблоновскаго въ стихахъ:

Поднявъ бокалъ свой, исполненъ чувства,
За «Театръ» я пью, за «Искусство»,
Пью за хорошей живой журналъ,
Который чутко ихъ отражалъ».

Отъ Н. Н. Тамарина-Окулова: «Пусть общее сочувствіе, и благоприятныя условія укрѣпятъ ваши силы и энергію для продолженія талантливой и плодотворной работы во славу лучшихъ идеаловъ родного искусства».

Отъ А. А. Соколова: Я самъ испыталъ, что значитъ издавать театральную газету. Мой «Суфлеръ» принесъ мнѣ много хлопотъ, а еще болѣе убытковъ. Дай Богъ Вамъ незнатъ послѣднихъ и не страшиться первыхъ».

Помытите, дорогой, что Вы объединитель огромной театральной семьи, разбросанной, разнесенной по широкому лицу нашей родины. Органъ вашъ собираетъ эту семью, какъ въ фокусъ и всѣ узнаютъ другъ о другѣ и живутъ, благодаря вамъ, братскимъ и товарищескимъ единеніемъ. Это первая заслуга ваша предъ театральнымъ міромъ. Вторая заслуга заключается въ добромъ руководствѣ, въ массѣ хорошихъ и практическихъ мыслей, разсѣянныхъ на столбцахъ вашего органа. Безъ рекламъ, безъ ничтожныхъ посушеству и жалкихъ по приемамъ—такъ называемыхъ «закулисныхъ полемикъ», вы завоевали свое почетное мѣсто, однимъ лишь серьезнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу».

Кромѣ того, получены поздравленія отъ кн. Д. П. Голицына (Муравлина), П. М. Ярдева, М. М. Иванова, Л. В. Селивановой, А. А. Немировой-Ральфт, С. М. Прошера, М. П. Тихомирова, А. А. Матовой, В. А. Мироновой, К. Н. Яковлева, Н. Г. Сѣверскаго, А. П. Коптяева, Н. А. Селиванова, П. М. Арнольди, Г. В. Радзивиловича, А. А. Ростиславова, А. и Л. Лейфертъ, И. М. Вулацеля, М. И. Михайлова, Д. В. Вагницкаго, Г. И. Глыбовскаго и др.

Обѣдъ окончился въ 11 час., а товарищеская бесѣда затянулась до 2-хъ час. ночи.

Вл. Липинскій.

Намъ доставлена М. Н. Онѣгинимъ слѣдующая завѣренная полиціею копія заявленія, сдѣланнаго труппною Борисоглѣбскаго театра въ Бюро Театральнаго Общества:

Считаемъ нравственнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія Бюро о слѣдующемъ грустномъ фактѣ: Артистъ труппы Борисоглѣбскаго театра Есрѣимъ Василъ Лавровъ 15-го декабря отказался отъ службы, снялъ въ г. Балашовѣ театръ и старался сманить къ себѣ на службу многихъ изъ нашихъ товарищей, что, къ счастью, ему не удалось, такъ какъ никто изъ насъ не считаетъ себя вправе покинуть антрепренера М. Н. Онѣгина въ такое время передъ самыми праздниками, тѣмъ болѣе что въ платежѣ жалованья г. Онѣгинъ очень аккуратенъ. Актеръ-же Илья Петровичъ Гогинъ позволилъ себя сманить и нарушилъ свой долгъ и обязанности по отношенію къ антрепренеру. Помимо того, г. Гогинъ явился передъ своимъ отъѣздомъ къ г. Онѣгину и просилъ о выдачѣ ему десяти руб. авансомъ, съ которыми онъ намѣревался и уѣхать. О поступкѣ г. Лаврова и Гогина мы предоставляемъ на Ваше усмотрѣніе, обращаемъ при этомъ вниманіе, что это сдѣлано передъ самыми праздниками.

Ф. П. Волховской. А. Д. Розановъ. П. В. Агаповъ. А. В. Чардымскій. С. Григорьевскій. Л. А. Вольмарская. А. А. Чардымская. А. А. Багрова. З. Н. Осипова. К. С. Осипова. М. Шадурская. М. В. Тарасова. Г. Инсаровъ. Е. Арцимовичъ. Е. Востоковъ. Б. Рожновскій. С. Л. Лорина.

* * *

Чрезвычайное собраніе Театральнаго Общества состоялось 22-го декабря. Первымъ разсматривался вопросъ о распредѣленіи и назначеніи капиталовъ Общества и о порядкѣ завѣдыванія ими. Этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ на прошломъ собраніи, но теперь предсѣдатель А. Е. Молчановъ сообщаетъ, что совѣтъ имѣлъ особое совѣщаніе съ членами ревизионной комисіи и пришелъ къ заключенію, что увеличеніе средствъ Общества невозможно безъ образованія спеціальныхъ капиталовъ; они въ значительной мѣрѣ обезпечиваютъ благосостояніе Общества. Собраніе рѣшаетъ, т. е. перерѣшаетъ: пренебречь «тенденціозными мнѣніями» и согласиться съ системой завѣдыванія денежными средствами, практиковавшейся до настоящаго времени въ Обществѣ. Затѣмъ перешли къ обсужденію другого вопроса, тоже уже рѣшеннаго—о способѣ учрежденія стипендіи театральнаго Общества для артистовъ частныхъ сценъ въ богатѣльнѣхъ московскаго «Общества для призрѣнія престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ». На образованіе капитала для стипендіи совѣтъ предполагаетъ отчислить двѣ тысячи рублей со сбора, даннаго маскарадомъ, устроеннымъ московскими артистами,—и затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ пополнять сумму подобными же отчисленіями. Собраніе принципиально соглашается съ предложеніемъ совѣта, от-

Возобновление „Теодоры“ Сарду въ театрѣ Сары Бернаръ.

Сцена въ Императорской ложѣ.

носителю же самаго „способа“ возникаютъ долги пренія. Въ концѣ-концовъ предложеніе совѣта проходитъ: постановлено внести 2,000 руб., а затѣмъ пополнять сумму по мѣрѣ возможности изъ текущихъ средствъ Общества. Покончивъ со стипендіей, собраніе принимается за вопросъ о продажѣ принадлежащаго Обществу дома по Кирочной улицѣ; предсѣдатель, докладывая о томъ, что представляется случай продать довольно удачно этотъ домъ, при-сокупляетъ, что подробнаго доклада о цифровыхъ данныхъ не даетъ, — имѣя въ виду исключительно интересы Общества. Нѣкоторые изъ числа членовъ предлагаютъ обождасть съ продажей въ надеждѣ, что цѣны на недвижимость еще повысятся; другіе находятъ возможнымъ раздѣлить домъ на мелкія квартиры и сдавать ихъ менѣе состоятельнымъ артелямъ; предложенія эти, однако, не встрѣчаютъ сочувствія совѣта. Послѣ долгихъ преній принимается предложеніе совѣта, — продать домъ за такую сумму, которая давала бы процентовъ не меньше, чѣмъ теперь домъ.

22 декабря исполнилась годовщина открытія для публики Народнаго дома Императора Николая II.

Приводимъ нѣкоторыя цифровыя данныя дѣятельности этого учрежденія за первый годъ его существованія.

Въ теченіе года было поставлено 46 драмъ, комедій и обстановкачнхъ пьесъ. Наибольшее число представлений выдержали двѣ пьесы, специально написанныя для Народнаго дома: „Петръ Великій“ В. Крылова (45 разъ) и „Разрывъ-Трава“ Гославскаго (30 разъ).

Въ составъ репертуара вошли произведенія Гоголя, Островскаго, Тургенева, Сухово-Кобылина, Потѣхина и многихъ другихъ, но, очевидно, въ крайне минимальныхъ дозахъ. Зато было поставлено много пантомимъ и арлекиналъ.

Шли также слѣдующія оперы: „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Русалка“, „Евгеній Онегинъ“, „Мазепа“, „Рогнеда“, „Вражья сила“, „Князь Игорь“, „Демонъ“, „Кузнецъ Вакула“, „Аскольдова могила“, „Тальба“, „Паяцы“, „Севильскій цирюльникъ“, „Трубадуръ“, „Карменъ“, „Фаустъ“, „Балъ-маскарадъ“, „Цыганы“.

За время съ 21 декабря 1900 г., согласно показаніямъ турникетовъ, въ Народномъ домѣ было 1.450,564 посѣтителя.

Наибольшее число посѣтителей въ теченіе дня было 21,416 человекъ, наименьшее — 724.

Доходъ отъ гуляній и театра выразился въ суммѣ 333,997 р. 95 к.; вмѣстѣ съ доходомъ отъ столовой, валовой доходъ Народнаго дома Императора Николая II выразился въ суммѣ 478,938 р. 93. к.

* *

Е. И. Левкѣва, отпраздновавшая свой бенедиксъ 27 декабря, наканунѣ только похоронила свою мать. Трагикомедія актерской жизни...

* *

† С. М. Боголѣповъ. На дняхъ въ Москвѣ въ Ново-Екатерининской больницѣ, скончался молодой артистъ Императорскаго Малаго театра С. М. Боголѣповъ, ранившій себя изъ револьвера 19 декабря. Покойный, родомъ сибирякъ, тобольецъ, окончилъ московскій университетъ по юридическому факультету; затѣмъ поступилъ, по влеченью, въ театральное училище, откуда два года тому назадъ выпущенъ въ труппу Малаго театра.

* *

Московскія вѣсти.

— Для постановки «Валькири» въ Большомъ театрѣ будетъ приглашенъ заграничный дирижеръ. На своихъ не рѣшаются положиться. Лестно!

— На-дняхъ артистамъ Частной оперы дано разрѣшеніе начать спектакли, подъ отвѣтственностью г-жѣ Петровой и Цвѣтк овой и г. Сперанскаго и Шубина. Въ обезпеченіе хора и оркестра внесень залогъ въ 7 тысячъ руб.

— М. А. Морозовъ сложилъ съ себя обязанности директора московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

— На-дняхъ въ гражданскомъ отдѣленіи окружнаго суда разбиралось интересное дѣло между г. Омономъ и артисткой г-жѣй Дальской. Г. Омонъ искалъ тысячу рублей неустойки по контракту съ г-жѣй Дальской, которая подписала два года тому назадъ контрактъ съ г. Омономъ для исполненія цыганскихъ пѣсенъ, но затѣмъ къ исполненію принятыхъ на себя обязательствъ не явилась, такъ какъ оставила тотъ жанръ, которому она служила раньше и посвятила себя драматической карьерѣ, вступивъ въ труппу театра Корша. Г. Омонъ

и предъявил искъ, по повѣреннѣи г-жи Дальской представилъ суду росписку, подписанную нѣкимъ Г—омъ и удостоверяющимъ, что этотъ Г—съ по довѣренности г. Омона несустойку съ г-жи Дальской въ размѣрѣ тысячи рублей получилъ. Г. Омонъ возбуждаетъ противъ г. Г—са искъ за присвоеніе денегъ, полученныхъ по довѣренности.

— Слѣдано распоряженіе чтобы кафешиантныя нѣвицы не появлялись на сценѣ въ трико съ боковыми разрѣзами на юбкахъ. Запрещено также въ «Бѣдныхъ овечкахъ» исполнительницамъ играть сцену сна въ дортуарѣ съ обнаженными руками.

* * *

Мы получили копію письма труппы тифлискаго драматическаго театра къ г-жѣ Волгиной, въ которомъ труппа благодаритъ г-жу Волгину за «удаленіе» г-жи Тираспольской изъ труппы, по причинамъ, касающимся личныхъ отношеній г-жи Тираспольской къ товарищамъ, почему мы не считаемъ себя вправе воспроизвести это письмо.

* * *

Слухи.

— А. Д. Вяльцева сняла на два спектакля театр «Аква-риумъ» для постановки «Карменъ», причемъ сама исполнитъ главную партію.

— По слухамъ, труппа Александринскаго театра въ будущемъ сезонѣ будетъ сильно сокращена.

— Въ бенефисъ Э. В. Холмской идетъ новая пьеса Н. А. Лейкина «Въ царствѣ глины».

— По слухамъ, директоромъ театровъ Попечительства о народной трезвости будетъ утвержденъ А. Я. Алексѣевъ.

— Между актерами Александринскаго театра держится упорный слухъ, что съ будущаго сезона будетъ введено очередное режиссерство нѣсколькихъ молодыхъ актеровъ. Будетъ ли, однако, у нихъ достаточно авторитета?

— Въ бенефисъ В. А. Мичуриной идетъ новая пьеса «Зарница».

— Въ театрѣ «Фарсъ» готовится къ постановкѣ новое «Обозрѣніе Петербурга», которое пойдетъ съ участіемъ онесточныхъ артистовъ.

— «Вечеръ оперетокъ» будетъ повторенъ 12 января.

* * *

Александринскій театръ. Въ бенефисъ Е. И. Левкѣевой была поставлена одноактная «Рождественская сказка», «Оруженосецъ» (*Virtus antiqua*), принадлежащая перу А. В. Амфитеатрова. Г. Амфитеатровъ, вѣроятно, воспользовался какой-нибудь итальянской легендой и обработалъ ее въ звучныхъ и пріятныхъ стихахъ. На сценѣ сказка кажется немного длинноватою, что не помѣшало, впрочемъ, публикѣ слѣдить за развитіемъ ея интриги съ большимъ вниманіемъ.

Дѣйствіе происходитъ въ старинныя времена, въ эпоху крестовыхъ походовъ. Графъ Галеото давно влюбленъ въ графиню Сильвію, и отвергнутый ею, отирается на бѣгу съ сарацинами. Между тѣмъ, отвергнутый Сильвіею, онъ заронилъ глубокую страсть въ душу сестры Сильвіи, Оссунты. Въ одинъ прекрасный день, Оссунта исчезла изъ родительскаго дома. Ее объявили умершей отъ чумы, и старый графъ, умирая, завѣщаетъ Сильвіи отомстить Галеото. Сильвія понимаетъ «честнаго брани», Уго, вродѣ Спарачуцле изъ «Риголетто», убить Галеото, который долженъ сейчасъ явиться и которому предшествуетъ оруженосецъ, молодой юноша, обвѣтренный непогодами, съ большимъ рубцомъ на щекѣ. Легко догадаться, что этотъ оруженосецъ Оссунта. Она пробыла 5 лѣтъ при особѣ графа, не выдавая секрета своего пола и происхожденія, и принявъ за сына ударъ, предначавшейся ему. Оссунтѣ предстоитъ вторично спасти жизнь графа, припавъ также ударъ Уго. Но она не умретъ. Все открывается. Оссунта благословляетъ Галеото на бракъ съ Сильвіею.

Очень граціозная сказка г. Амфитеатрова оставляетъ, однако, совершенно невыясненной душу Оссунты. Графъ все время твердитъ о Сильвіи—зачѣмъ же она 5 лѣтъ стояла при его особѣ? Если «*Virtus antiqua*» есть отреченіе, то актъ отреченія можно было сдѣлать раньше. Почему любовь къ сестрѣ и любовь къ графу не сталкиваются? Кого-же она любитъ больше, кого меньше, кого ревнуетъ, и если не ревнуетъ, то почему ее оставило въ поксѣ «чудовище съ зелеными глазами»?

Прекрасная форма, приданная г. Амфитеатровымъ своей сказкѣ, заставляетъ, впрочемъ, забывать о нѣкоторыхъ психологическихъ погрѣбностяхъ. Мовологъ Уго остроумны, ѣдки и представляютъ удачную имитацию старинныхъ итальянскихъ формъ.

Г-жа Мичурина (Сильвія), Стравинская (Оссунта) и г. Далматовъ (Уго) играли очень хорошо, и чувствовали себя прекрасно въ рамкахъ романтической сказки. Г. Диполонскій былъ очень красивымъ «купиономъ», но сомнительно, чтобы грозю сарациновъ, да и страсть къ Сильвіи выражалъ, какъ весьма благонаправленный современникъ, да и стиховъ не зналъ какъ слѣдуетъ. Г. Амфитеатрова вызывали нѣсколько разъ.

Предъ сказкой г. Амфитеатрова шла драма «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Грустный это былъ спектакль. Грѣхъ да бѣда слишкомъ часто живутъ на Александринской сценѣ. Пьеса была не срепетована, не понята, и очень дурно разыграна. Особенно печально было зрѣлище г. Давыдова, игравшаго Архипа. Сухость тона, отсутствіе всякаго колорита, всякаго поэзіи... Г. Давыдовъ игралъ, какъ самый «кожаный» изъ самыхъ «кожаныхъ» актеровъ. Плохъ былъ и г. Ходотовъ—Аволя; рѣзкій тонъ, истерическая злоба, и опять никакой поэзіи... Куда дѣвалась поэзія на Александринской сценѣ?

Г. Сазоновъ—отличный Красновъ, но уже лишенный первовъ и темперамента. Надо учиться у г. Сазонова играть Краснова, но играть свѣжее, моложе и сильнѣе. Г-жа Коммисаржевская, разумѣется не подходитъ къ Татьянѣ, хотя, видимо, надъ ролью поработала, и нѣкоторыя бытовыя интонаціи вышли у нея очень мило. Бенефициантка играла Жмагулину, со свойственнымъ ей комическимъ дарованіемъ, но иногда ставилось досадно на паузы, заминки, которыми были пересыпаны, впрочемъ, всѣ сцены пьесы...

И такъ ставить «Грѣхъ да бѣда!» Если бы покойникъ А. П. Григорьевъ могъ посмотреть на этотъ спектакль—Григорьевъ, который считалъ эту драму гениальнымъ откровеніемъ народнаго духа—да такъ оно и есть...

Нотто novus.

* * *

Новый театръ. 21 декабря въ Новомъ театрѣ, въ бенефисъ А. Е. Ромашовскаго, шла пьеса начинающаго автора С. Рафаловича «Храмъ Мельпомены». Авторъ задаетъ цѣлью изобразить театральнй міръ, нарисовать картину отношеній актеровъ, рецензентовъ и авторовъ къ искусству, борьбы актеровъ на почвѣ личныхъ интересовъ. Но между намѣреніемъ и выполненіемъ—дистанція огромнаго размѣра. Пьеса представляетъ рядъ случайныхъ эпизодовъ безъ логической послѣдовательности, обнаруживающихъ крайнюю скудость анализа. Характеры героевъ едва намѣчены и противорѣчивы. Сюжетъ третій актъ, въ которомъ изображена картина закулиснаго міра въ началѣ спектакля. Забавнѣе и неправдоподобнѣе всѣхъ фигура редактора журнала «Искусство» «ведущаго за собой всю прессу» и очень смахивающаго на «моншера».

Кстати приводимъ отрывокъ изъ пьютки-пародіи «Храмъ Мельпомены», присланной намъ ради этой okazji.

Прологъ.

Актеръ бенефициантъ читаетъ сто первую рукопись. До-читавъ ее, онъ въ отчаяніи схватывается за голову и озирается по сторонамъ.

Дверь неслышно распахивается, и на порогѣ появляется авторъ въ плащѣ демона-искусителя. Онъ склоняется надъ лежащимъ бенефициантомъ и протягиваетъ манускриптъ своей пьесы.

Клянусь я первымъ представленіемъ,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь Стриндберга «Преступленіемъ»
И «Перекатовъ» торжествомъ.

Клянусь «Оомъ» я горькой мукой,
«Орленка» краткою мечтой,
«Ночей безумныхъ» страшной скукой,
Неувядающей «Зазой».

Клянусь лакомой «Загадкой»,
Газетныхъ критиковъ лганьемъ,
Клянусь я славы жаждой сладкой,
Что ожидаетъ насъ вдвоемъ.

Клянусь «Зеленымъ попуаемъ»
И, внемли юноша-актеръ!
Клянусь я милымъ сердцу «раемъ»,
Гдѣ громкій прячется клакерьъ.

(Приникаетъ къ уху бенефицианта)

Хочу съ театромъ породниться,
Хочу писать, хочу излиться,
Хочу отдать себя перу!
Своимъ шедевромъ (потрясаетъ сверткомъ) я утра
Носи всѣмъ классикамъ бездарнымъ!
Искусства новаго завѣтъ
Я возвѣщу, и благодарнымъ
Падетъ къ ногамъ пророка свѣтъ...

(Гордо выпрямляется во весь ростъ.)

Тебя я, вольный сынъ Шекспира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будетъ Зеландъ, мать «Вампира»,—

(Бенефициантъ въ ужасѣ содрагается.)

Подруга вѣрная моя!
(Оглядываясь по сторонамъ, шепчетъ)

Лучемъ таинственной рекламы
Твой бенефисъ я обовью
И для триумфа нашей драмы

Полтеатра новаго скуплю!

(Отступает и широко раскрывает свои объятія)

Я дамъ тебѣ все, все земное —

Поставь меня!..

(Бенефициантъ издаетъ «мучительный, ужасный крикъ» и, очертя голову, кидается на шею соблазнителью).

Дядь-Веселый.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Екатеринбургъ. Въ народномъ домѣ закончились гастроли М. В. Дальскаго. Артистъ гастролировалъ полтора мѣсяца, за которые дирекціей театра выручено 15 тыс. руб. валового сбора.

Кишиневъ. На-дняхъ состоялся послѣдній спектакль труппы В. Л. Форкати. Дефицитъ за сезонъ 6000 руб. Труппа переѣзжаетъ въ Екатеринославъ.

Кіевъ. Въ составляемый къ юбилею Н. Н. Соловцова сборникъ войдутъ между прочимъ цифровыя данныя о количествахъ сборовъ за каждый годъ его антрепризы, о количествахъ спектаклей, посѣтителей театра, платныхъ и бесплатныхъ, о бесплатныхъ спектакляхъ и т. д. Въ сборникъ войдутъ также всѣ пьесы, исполненныя его труппой съ обозначеніемъ числа спектаклей, выпадающихъ на долю каждой пьесы.

Кострома. Съ 9 по 14 декабря, въ здѣшнемъ театрѣ, гастролировалъ М. М. Петипа, сыгравъ роли въ пьесахъ: «Гувернеръ», «Казнь», «Донъ-Жуанъ», «На законномъ основаніи», «Укрощеніе строптивой», «Полусвѣтъ». Сборы были средніе, на кругъ около 350 р. Г. Петипа получалъ треть съ валового сбора. Было два любительскихъ спектакля, о которыхъ лучше умолчать. Конечно играли при переполненномъ театрѣ, благодаря рьяности дамъ-патронессъ. Дѣла мѣстной антрепризы поправились—сборы средніе.

Нахичевань. О сдѣлѣ городского театра на Пасху и Фоминую недѣлю ведутся переговоры съ Бориславскимъ. Въ случаѣ сдачи театра Бориславскому будетъ гастролировать М. М. Петипа.

Николаевъ. П. П. Ивановскій, антрепренеръ Николаевского театра, совершенно неожиданно 14-го декабря объявилъ объ окончаніи имъ веденія дѣла, уплативъ сполна труппѣ по этому дню жалованье. Въмѣсто антрепризы образовалось товарищество изъ тѣхъ же артистовъ подъ управленіемъ гг. Бѣляева (распорядитель) и Рассатова (режиссеръ). Отъ сообщенія подробностей пока воздерживаемся, такъ какъ страсти горятъ, и о причинахъ «ликвидации» идутъ самые разнорѣчные толки.

По слов. «Юга», на-дняхъ, П. Н. Орленевъ, возмущенный на одномъ изъ спектаклей смѣхомъ райка во время самой трагической сцены, бросилъ по направленію къ галлерей весьма громкогласно: «Идиоты!» Способъ объясненія съ публикою довольно оригинальный.

Рига. «Приб. Кр.» изъ достовѣрнаго источника сообщаетъ, что составъ комитета по управленію русскимъ театромъ, опубликованный во всѣхъ газетахъ, есть, на самомъ дѣлѣ, не «комитетъ», а временная «организационная коммисія», имѣющая выработать начало организационнаго русскаго театра въ г. Ригѣ, т. е. имѣетъ совѣщательный, а не административный характеръ. Именно эта совѣщательная коммисія и установитъ организационную и составъ «театрального комитета».

— О будущей судьбѣ русскаго театра въ Ригѣ пока извѣстно, что городъ передастъ тому или иному лицу готовый новый театръ, а затѣмъ умоетъ руки и даже совершенно прекратитъ субсидію.

Рязань. Э. И. Шаляпинъ приобрѣлъ въ Рязанской губерніи имѣніе въ 1500 десятинъ.

Ростовъ на Д. Театръ снятъ на будущій сезонъ С. И. Крыловымъ.

Саратовъ. 16-го декабря состоялось засѣданіе организационнаго комитета по вопросу о возобновленіи народнаго театра. Планъ проектируемаго народнаго театра будетъ законченъ къ Рождеству.

Зданіе предполагается на 2000 зрителей, въ зрительномъ залѣ предположены 4 яруса, при чемъ ложи имѣются только въ двухъ первыхъ ярусахъ.

Театръ будетъ снабженъ широкими корридорами, обширными фойе, просторной сценой и рядомъ удобныхъ выходовъ. По бокамъ сцены расположены помѣстительныя свѣтлыя уборныя.

Приблизительная стоимость проектируемаго зданія народнаго театра опредѣлена въ 300 тысячъ рублей.

Томскъ. Антрепренерша театра Королева г-жа Богданова-Самойлова за послѣдній мѣсяцъ не разчиталась съ труппой и за долгъ предложила артистамъ пользоваться театромъ, аренда за который уплачена еще въ началѣ сезона въ размѣрѣ 8550 р. Артисты образовали товарищество, подъ управленіемъ гг. Нерадовскаго и Абрамова. Предполагается на гастроли пригласить г-жѹ Саблину-Дольскую.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Позвольте чрезъ посредство вашего журнала выяснить вопросъ о правахъ актеровъ служащихъ безъ контракта.

Какъ извѣстно, масса актеровъ, по разнымъ обстоятельствамъ, кончаетъ на зимній сезонъ осенью. Сдѣлки производятся заочно, краткими телеграммами, вродѣ: «Предлагаю любовника, столько-то, полубенефисъ. Выступайте тогда-то...» и больше ничего.

Входить въ юридическія тонкости въ это время актеру некогда, такъ какъ надо спѣшить къ назначенному времени, да и къ тому же сдѣлка совершается черезъ Бюро или агент-

Г-жа Рунге.

(Къ концерту 10 Января).

ство... слѣдовательно можно быть спокойнымъ. Но, по прибытіи на мѣсто приходится иной разъ расплачиваться за посѣщность. Фактъ первый: одинъ антрепренеръ, открывъ текущій сезонъ и найдя «штатъ» труппы не полнымъ, телеграммами черезъ Бюро, а также и лично отъ себя выписываетъ актрису на окладъ почти ровный окладу героини. Актриса съ перваго же выхода завоевываетъ симпатіи публики, но, антрепренеру, оказывается совсѣмъ этого не нужно, ему нуженъ только извѣстный штатъ — и въ результатѣ бездѣйствіе или втория и даже третья роли. На протестъ, ей было письмомъ предложено, какъ не служащей по контракту, въ распоряженіе всѣ пять частей свѣта обоихъ полушарій. Фактъ второй: актеру, приглашенному, тѣмъ-же путемъ, на ампула люб.-ф., въ пьесѣ «Ст. закалъ» дается роль... Ильи. За отказъ (первый за все время съ начала сезона) отъ роли Ильи, черезъ два дня вывѣшивается штрафъ въ размѣрѣ 25 р. (Характерно: въ этомъ-же спектаклѣ былъ еще одинъ отказъ отъ роли, но, прошелъ бесслѣдно, впрочемъ, такія оказіи были даже съ выходными актрисами, но, какъ и все, сводилось къ личнымъ симпатіямъ и «настроению» власть имѣющихъ). По прошествіи нѣсколькихъ дней, въ теченіе которыхъ оштрафованный *получаетъ новую роль* и играетъ ее, ему присылается, на третій день послѣ сыграннаго спектакля, за отказъ отъ роли Ильи—отказъ отъ службы. При этомъ штрафъ, конечно, любезно снимается. На вопросъ о вознагражденіи за потерянный сезонъ, хотя-бы въ размѣрѣ 2-хъ мѣс. неустойки, антрепренеръ развязно заявляетъ, что не имѣющимъ контракта онъ платитъ ничего не обяванъ.

Теперь возникаетъ такой вопросъ: исходящія изъ Бюро предложенія письменныя или телеграфомъ и тѣмъ болѣе между членами Театрального Об-ва, развѣ не должны имѣть ту же договорную, только въ болѣе сжатомъ видѣ форму, какъ и контрактъ съ двумя десятками противорѣчащихъ одинъ другому §§? Къ тому же само Бюро, какъ-бы санкционируетъ высказанную мысль, взимая *одинаковые* % по устройству ангажементовъ. Разъясненіе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ необходимо теперь же, такъ какъ сотня актеровъ кончаютъ вышеприведеннымъ путемъ, надѣясь исключительно на порядочность того или другаго антрепренера, а «надежды иногда обманчивы бываютъ».

Приглашая лицъ, интересующихся настоящимъ вопросомъ, высказать свой взглядъ на него, не считаю нужнымъ скры-

вать, что дѣйствие происходило въ г. Елисаветградѣ, въ антрепризѣ г. Гайдебурова.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

В. Боярскій.

15 дек. 1901 г. Г. Елисаветградъ.

Р. С. Отъ третейскаго суда, предложеннаго мною чрезъ прис. пов. Е. С. Краева, г. Гайдебуровъ отказался. Комментарій излишни.

В. Б.

М. Г. г. редакторы! Въ 49 № журнала «Театръ и Искусство» сдѣлана выдержка изъ газеты «Перм. Край» по поводу коллективнаго письма артистовъ городского театра въ редакцію названной газеты.

Тонъ этой выдержки, естественно (т. к. она взята изъ Перм. Кра.) носитъ характеръ, бросающій скорѣе тѣнь на самихъ артистовъ, чѣмъ на редакцію, а между тѣмъ это далеко не такъ. Въ Перми существуютъ двѣ газеты: «Пермскій Вѣдомостя», музыкальнымъ отдѣломъ котораго завѣдуетъ А. Н. Сугубаревъ («As olur») и «Пермскій Край», музыкальный отдѣлъ котораго, не знаю почему, былъ сданъ цѣлому «акціонерному обществу». Такъ, за весьма короткое время рецензій писалъ: Allegro, legato, Cado, Moderato, Andante, Z и X. Итого 7 человекъ. Не пререкати редакція газеты своихъ рецензій къ концу сезона (сезонъ 4½ мѣсяца), число рецензентовъ могло бы достигнуть порядочныхъ размѣровъ. Последній рецензентъ и написалъ-то всего одну рецензію, которая и вызвала письмо артистовъ. Препредъ «Moderato» уже ничего общаго не имѣлъ съ новымъ. Спрашивается, мыслима-ли справедливая оцѣнка артиста при такой постановкѣ музыкальнаго критика? Ни Златогоровъ, ни Шуваловъ ни разу не были въ редакціи до появленія рецензій, а были они только въ день появленія рецензій, объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать и почтенный редакторъ газеты, который, кстати сказать, самъ былъ возмущенъ этой рецензіей и объяснилъ это недосмотромъ, обѣщая впередъ лично просматривать рецензій. Это было сказано въ присутствіи трехъ лицъ—артистовъ. Самъ фактъ коллективнаго письма всѣхъ артистовъ безъ исключенія во главѣ съ дирижеромъ, режиссеромъ, концертъ-мейстеромъ, хормейстеромъ говорятъ, что правда на сторонѣ артистовъ, а не на сторонѣ никому невѣдомаго «Moderato». Вѣдь и рецензенты—люди со всѣми человѣческими слабостями... Такой фактъ, какъ коллективный протестъ артистовъ, даже тѣхъ, которыхъ хвалили, говорить только въ пользу ихъ. Никакой артистъ не будетъ ничего имѣть противъ разумной критики, разъ она направлена къ исправленію ошибокъ. 18 человекъ артистовъ забыли свои личные интересы и заступились за своего несправедливо обиженнаго товарища. Дай Богъ, чтобы въ артистической средѣ исчезли зависть, интриги и др. приписываемые этой средѣ недостатки и чтобы рецензенты, исправляя ошибки, не забывали, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ и щадить-бы чужака.

А.—С.

М. Г. г. редакторы!

26 декабря на сценѣ Ковенскаго городского театра шла въ 14-й разъ пьеса «Измаилъ», въ которой роль адъютанта Вехтѣва исполнялъ артистъ Иванъ Тихоновичъ Щеголевъ. Въ 4 картинѣ г. Щеголевъ отказался выйти на сцену, по требованію помощника режиссера, и я былъ вынужденъ сдѣлать распоряженіе о спускѣ сцены актѣ занавѣса. Только послѣ 10 минутнаго антракта, и то на настояніи приглашеннаго мною на сцену дежурнаго полицейскаго офицера, спектакль могъ продолжаться. Какъ на причину столь необычнаго поступка, г. Щеголевъ началъ ссылаться, якобы на неправильно обставленный актъ, хотя показаніями машиниста и служащихъ обставившихъ сцену этого акта, вполне установлено, что никакихъ измѣненій въ обстановкѣ не послѣдовало, и она была обставлена совершенно такъ-же, какъ и въ прежніе 13 представлений. Во всякомъ случаѣ, если бы и было обставлено что нибудь не такъ, то все-таки это не давало никакого права г. Щеголеву прерывать спектакль, и онъ могъ только о своемъ неудовольствіи заявить мнѣ по окончаніи акта или пьесы. Необычность поступка г. Щеголева, какъ актѣра, еще очень недавно поступившаго на сцену, и желаніе знать мнѣнія гг. антрепренеровъ и режиссеровъ, а также какія возможно принять мѣры, по отношенію къ гг. артистамъ, позволяющимъ такіа вѣщи, хотя за мою 22-лѣтнюю сценическую дѣятельность это первый случай, заставили меня, обратившись къ вамъ, многоуважаемый г. редакторъ, съ просьбой не отказать передать гласности поступокъ г. Щеголева.

Примите и пр. главный режиссеръ ковенскаго городского театра А. Камскій.

Отъ редакціи. Наше мнѣніе, что, единственно изъ снисхожденія къ неопытности г. Щеголева, возможно ограничиться штрафомъ. Актѣръ на сценѣ—что часовой на посту, и итѣ той строгой мѣры взысканія, которую можно считать превышающей подобное нарушеніе дисциплины.

Музыкальныя замѣтки.

Успѣхъ г. Хессина вполне опредѣлился въ шестомъ симфоническомъ собраніи. Предъ нами дирижеръ, не только усвоившій приемы оркестроваго исполненія у первоклассныхъ образцовъ, но и обладающій собственнымъ талантомъ, и способный современемъ сдѣлаться образцомъ для другихъ. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, г. Хессинъ заслуживаетъ похвалъ уже теперь—въ серьезномъ отношеніи къ искусству. Чтобы, за полтора года обученія у Някинши и Мотля, сдѣлать такіе изумительные успѣхи, нужна горячая любовь къ дѣлу. Нашу бѣдность по части дирижеровъ нельзя объяснить недостаткомъ дарованій. Но итѣ достаточно любви. Наши дорывитые люди думаютъ, что достаточно получить даръ отъ Бога. Они забываютъ, что всякій природный талантъ нуждается непремѣнно въ развитіи и постоянномъ совершенствованіи. Какъ образованный человѣкъ, г. Хессинъ проникся серьезными стремленіями и, погружившись въ серьезную обстановку музыкальной Германіи, взялъ отъ нея все, что возможно. Вотъ черта, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдкая у насъ, предъ которою нельзя не преклониться.

Въ противоположность обычнымъ программамъ симфоническихъ собраній, купцамъ и безвѣзвѣтнымъ, программа этого концерта отличалась разнообразіемъ и содержательностью. Программа была лишь чрезмерно длинна и это подѣйствовало на публику тѣмъ угнетительнѣе, что въ концѣ фигурировало такое скучное и безсодержательное произведеніе, какъ шестіе волхвовъ изъ ораторіи «Христосъ» Листа.

Во главѣ программы красовалась «Фантастическая Симфонія» Берліоза—одно изъ самыхъ характерныхъ и блестящихъ твореній знаменитаго французскаго композитора. Въ ней съ необыкновенною полнотою и яркостью вылилась своеобразная индивидуальность Берліоза, на которую, въ свою очередь, сильный отпечатокъ наложили романтическій духъ эпохи. Самъ Берліозъ, съ его необузданною фантазіею, бурною восторженностью, порывистостью, эксцентричными матеріями и склонностью къ кричащимъ эффектамъ, представляетъ замѣчательно цѣльное и типическое воплощеніе романтизма, и всѣ оригинальныя черты этой крайне причудливой и неуравновѣшенной натуры, какъ выше было упомянуто, нашли себѣ выраженіе въ его первомъ крупномъ произведеніи. Съ этой точки зрѣнія, «Фантастическая симфонія» заслуживаетъ особаго вниманія, какъ характерный продуктъ музыкальнаго романтизма. Но этимъ не исчерпываются особенности «симфоніи». Она типична еще, какъ первая и наиболѣе яркая попытка програмной музыки. Чувства и идеи, бурлившія въ головѣ этого пламеннаго энтузіаста, не позволяли ему отдѣлывать міръ звуковъ отъ логическихъ понятій. У него все сливалось въ общій потокъ, все переводилось въ музыку. Двѣнадцати лѣтъ онъ пишетъ оперу «Эстелла», въ которой изображаетъ свою любовь къ дѣвушкѣ, которая была старше его на шесть лѣтъ. Точно также, влюбившись уже 26 лѣтъ отъ роду, въ знаменитую англійскую артистку, миссъ Гарриетъ Смитсонъ, онъ сочиняетъ *инструментальную драму*—«Фантастическую симфонію», въ которой описываетъ свою новую любовь.

Но «томленія» неудачной любви не были для него лишь личнымъ психологическимъ поводомъ, который даетъ настроеніе творческому экстазу композитора. Итѣ, онъ понималъ свои любовныя злочкиненія, какъ итѣкоторое происшествіе которое можно описать въ повѣствовательномъ духѣ средствами музыкальной рѣчи и, для того, чтобы сдѣлать понятною эту музыкальную повѣсть, приложилъ къ партитурѣ лигатурный текстъ, въ видѣ программы, т. е. литературное описаніе тѣхъ самыхъ фактовъ, мыслей и чувствъ, которые изображены музыкою. Но если музыка можетъ изображать, то программа излишня. Если же она не способна рисовать образы безъ помощи литературнаго поясненія—зачѣмъ же навязывать ей задачи, не отвѣчающія ея природѣ и для нея неспособныя? Впрочемъ, нужно замѣтить, что программа къ «Фантастической симфоніи» проста и въ нѣкоторыхъ моментахъ, чисто звукоо-дражательнаго свойства, довольно близко подходит къ естественнымъ границамъ музыкально-описательныхъ средствъ. Въ этомъ отношеніи, экстравагантнѣйшій изъ композиторовъ обнаружилъ больше здраваго смысла, чѣмъ его разсудочные послѣдователи, превратившіе композиторское творчество въ какое то музыкальное доктринерство и втискивавшіе въ свои холодныя, вымученныя произведенія всякое содержаніе, вплоть до философскаго сусемудрія. Эти потуги композиторовъ на философію, впрочемъ относятся скорѣе къ области юмористики, чѣмъ музыки.

Въ «Фантастической симфоніи», вмѣстѣ съ мелодрамой «Леліо», которую композиторъ потомъ присочинилъ къ симфоніи, изображается «эпизодъ изъ жизни артиста», т. е. злочкиненія самого Берліоза. Этотъ эпизодъ во многомъ напоминаетъ исторію съ «Кузькиною матерью».

Кузькина мать
Вадумала умирать.

Умереть не умерла,
Только время провела.

«Артистъ» Берлиоза, въ порывѣ отчаянія, вслѣдствіе несчастной любви, тоже рѣшился покончить съ собою. Но доза принятаго имъ опиума оказалась слишкомъ слабою, а потому умереть онъ не умеръ, а только... сталъ бредить. Изображенію видѣній этого бреда и посвящена симфонія. Опиумъ, въ малыхъ дозахъ, производитъ то же одурманивающее дѣйствіе, что и алкоголь. Очевидно, если Берлиозъ отравилъ своего «артиста» не сивухою, а опиумомъ, то только ради пущей поэзіи. Но отъ этого безсмыслица сюжета не уменьшается. Что интереснаго въ бредѣ пьянаго? (Кстати, какъ это до сихъ поръ ни одинъ изъ нашихъ композиторовъ не переложилъ на музыку «Записки сумашедшаго»?) На дѣлѣ, конечно, Берлиозъ и не думаетъ давать картину опьяненія. Ему просто нужно создать предлогъ для изображенія разныхъ фантастическихъ видѣній, въ которыхъ художникъ не былъ бы связанъ ни требованіями правдоподобія, ни контролемъ здраваго смысла. Какъ это характерно для романтизма, который болѣе всего стремился къ тому, чтобы освободить творчество отъ оковъ, налагаемыхъ разумомъ вещей и дѣйствительными отношеніями. Но еще болѣе характерно это для разоблаченія сущности программной музыки. Если мы возьмемъ на себя трудъ прослѣдить, съ одной стороны, всѣ перипетіи сюжета, а съ другой—ходъ развитія и чередованія темъ,—то мы увидимъ, что беспорядочность бреда нужна была Берлиозу только для того, чтобы подогнать сюжетъ къ формальнымъ настроеніямъ симфоніи. Не смущайтесь хаотическою смѣною видѣній въ первой части. Вѣдь, безъ этого не вышло бы аллегро въ сонатной формѣ, составляющее первую часть симфоніи. Не спрашивайте, какъ это, ни съ того, ни съ сего, явилась встрѣча «средь шумнаго бала». Композитору нуженъ былъ предлогъ для скерцо. Не изумляйтесь, что прямо съ бала сперва «онъ», а вскорѣ и «она» очутились на лонѣ природы. Это необходимо было, чтобы получить адажіо. Не пугайтесь ни «шестивія на казнь», ни «ночного шабаша». Это обыкновенный финалъ съ шумнымъ концомъ. Какъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной части, такъ и во всѣхъ частяхъ вмѣстѣ взятыхъ, сюжетъ «за волосы притянуть» и приуроченъ къ схемѣ классической симфоніи.

Слушатель, не одурманенный опиумомъ искусственныхъ теорій, хорошо слышаетъ, если отброситъ въ сторону бредъ программныхъ композиторовъ и шарлатанствующихъ комментаторовъ и будетъ судить о музыкальныхъ произведеніяхъ единственно по ихъ музыкальному содержанію, безотнositельно къ какому либо программѣ. Весьма назидательно, въ этомъ отношеніи, предисловіе, которое Берлиозъ предпосылаетъ своей программѣ.

«Настоящая программа—говоритъ онъ—должна быть раздаема слушателямъ, коль скоро фантастическая симфонія исполняется *драматически* и вслѣдъ за нею исполняется мелодрама «Леліо», которою завершается эпизодъ изъ жизни

артиста. Въ такомъ случаѣ, оркестръ долженъ быть невидимъ для слушателя и скрытъ на сценѣ театра за опущеннымъ занавѣсомъ. Если же исполняютъ одну только симфонію и въ концертѣ, то эти требованія излишни. Тогда, строго говоря, *нѣтъ необходимости въ раздачѣ программъ*. Достаточно только сохранить заголовки пяти частей. Авторъ надѣется, что *симфонія, сама по себѣ и независимо отъ всякаго драматическаго напыренія, представляетъ чисто музыкальный интересъ*.

Лестное мнѣніе Берлиоза о музыкальномъ содержаніи его симфоніи вполне справедливо. Это содержаніе такъ богато, что отъ отсутствія программы произведеніе только выигрываетъ. Берлиозъ очень далекъ отъ титанической мощи Бетховена. Ему чужды глубокія и скорбныя настроенія Шумана. Вообще, трагическое не въ характерѣ его дарованія, не смотря на то, что чрезъ всю симфонію проходитъ «idée fixe» о несчастной любви.

Если онъ по временамъ и драпируется въ трагическую тогу, то это не болѣе, какъ театральная аффектація. Какъ настоящей романтикъ, онъ охотно становится въ позу. Но сколько въ этой позѣ живописной красоты и пластичности! Сколько прелести въ его мелодіяхъ, неглубокихъ по настроенію, но подкупающихъ свѣжестью и вѣщимъ благозвучіемъ! А главное: сколько жизни, свѣта и красокъ въ его оркестрѣ. Своею дивною инструментовкою онъ создалъ въ музыкѣ новую эпоху.

Г. Хессинъ провелъ симфонію, какъ серьезный художникъ. Произведеніе, въ его истолкованіи, получило яркую рельефность. Исполненіе было запечатлѣно рѣдкою законченностью и красотой замысла. Послѣ симфоніи молодой дирижеръ былъ дружно вызванъ всею залой.

Если въ симфоніи Берлиоза сказанъ сенсуализмъ южнаго темперамента, съ его вѣщимъ экспансивностью, то во вступленіи къ «Парсифалу» Вагнера получаетъ выраженіе туманный мистицизмъ спиритуалиста, замкнутаго въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Осознательность простыхъ и граціозныхъ мелодій уступаетъ здѣсь мѣсто настроеніямъ смутнымъ и неопредѣленнымъ, но глубоки

Идеи утрачиваютъ вѣшнюю доступность и облекаются туманомъ отвлеченности. Эта отвлеченность еще болѣе усиливается, благодаря разсудочной концепціи Вагнера и, несмотря на изумительное мастерство фактуры, отъ вступленія къ «Парсифалу» вѣетъ сухостью и «тяжкодуміемъ» схоластика.

Прекраснымъ исполненіемъ вступленія г. Хессинъ доказалъ, что ему одинаково доступны композиторы самыхъ различныхъ темпераментовъ и міросозерцаній.

Два хора А. С. Танѣва, исполненныхъ хоромъ Русскаго Музыкальнаго Общества и оркестромъ, подъ управленіемъ г. Фонъ-Баха, написаны весьма благодарно для исполненія и звучатъ очень красиво. Въ «Русской пѣснѣ» прекрасно выдержанъ національный колоритъ. «Ноктюрнъ»—произведеніе, очень интересное по замыслу, но, судя по тексту, здѣсь скорѣе можно было ожидать ряда звуковыхъ картинъ, въ стилѣ музыкальнаго пейзажа, чѣмъ простаго выраженія опущеній и настроеній. Къ сожалѣнію, хоръ спѣлъ эти произведенія довольно грубовато и г. фонъ-Бахъ провелъ ихъ со-всѣмъ посредственно.

Уличный музыкантъ. (Рис. Jugend).

Большой успѣхъ имѣлъ въ концертѣ г. Лявшинъ исполненіемъ третьяго скрипичнаго концерта (h-moll, op. 61) Сепъ-Санса. [Этотъ молодой скрипачъ, недавно лишь окончившій нашу консерваторію, подкупаетъ изяществомъ тона и благородствомъ исполненія. Ему можно предсказать прекрасную будущность, если онъ не остановится въ своемъ развитіи, какъ это бываетъ съ большинствомъ нашихъ музыкантовъ. Прекрасное впечатлѣніе, произведенное его исполненіемъ, было бы еще болѣе внушительнымъ, еслибъ онъ выбралъ болѣе удачное произведеніе, чѣмъ этотъ скучный концертъ Сепъ-Санса, и публика не была замѣтно утомлена чрезмернымъ объемомъ программы.]
И. Ки-скій.

— О, нѣтъ! Напротивъ — лучшей другъ!
— Такъ можно ли узнать причину поединка?
— Немного не сошлись во вкусахъ мы: блондинки Милѣ мнѣ, а онъ брюнетокъ восхвалялъ...
— Какъ! лишь за то, что вкусъ онъ вашъ не раздѣлялъ!...
Смѣшно-жъ, чтобъ цвѣтъ волосъ причиной былъ расправы!
— Да, чортъ меня возьми, пожалуй, что вы правы, Имъ говорить бреттеръ, — и что всего смѣшнѣй, Что рыжий цвѣтъ волосъ любовницы моей!

А. А. Мюссуръ-Викентьесъ.

ДУЭЛЬ

(Изъ ф. Коппэ)

Я. С. Тинскому.

редь уличной толпы тихонько пробираясь,
Вдвоемъ они проходятъ, къ Лувру направляясь.
Движенья ихъ легки; изящень ихъ нарядъ;
Изъ-подъ широкихъ шляпъ такимъ огнемъ горятъ

Прекрасные глаза!.. Ихъ смѣхъ звучитъ отвагой...
Искуснѣй ихъ наврядъ ли кто владѣетъ шпагой!
Наврядъ ли кто другой съумѣетъ прикрѣпить
Такъ живописно плащъ... такъ гордо усь крутить...
Они идутъ, другъ съ другомъ весело болтая,
Среди толпы крестьянъ изяществомъ блистая,
Отъ вьющихся волосъ красивыхъ ихъ головъ
До кружевъ дорогихъ въ раструбахъ сапоговъ.

И вотъ, смѣясь, брюнетъ блондину говоритъ:
„Пусть къ петлѣ цѣлый мѣръ меня приговоритъ,
Коль будетъ милъ мнѣ цвѣтъ волосъ иной, чѣмъ чистый
И свѣтлый цвѣтъ волосъ блондинки золотистой!“
Съ улыбкою блондинъ ему даетъ отвѣтъ:
„А для меня волосъ прекраснѣй черныхъ нѣтъ,
И мой совѣтъ тебѣ — свой вкусъ скорѣй исправить.“
— Вы можете, виконтъ, совѣтъ себѣ оставить!
Спѣшить отвѣтить тотъ: Вы слишкомъ далеко
Зашли, мой другъ!

— Такъ что-жъ! Вѣдь споръ рѣшить легко!
На шпагахъ?

— Да на шпагахъ!

— Если вамъ угодно —

Сейчасъ, маркизъ?

— Сейчасъ!

— Да это превосходно!

Вотъ на берегъ сойдемъ и тотчасъ вступимъ въ бой!

И двухъ швейцарцевъ взявъ въ свидѣтели съ собой,
Они идутъ къ рѣкѣ. Плащи свои снимаютъ,
И, ставъ лицомъ къ лицу, двѣ шпаги обнажаютъ.

Съ минуту длился бой. Ломбардскій вѣдь методъ
Всегда надъ флорентійскимъ верхъ возьметъ; и вотъ
Виконтъ, пронзенный въ грудь, внезапно закачался,
Шагнувъ впередъ, упалъ, и тотчасъ же скончался.

Тогда одинъ солдатъ спросилъ маркиза вдругъ:
— Онъ былъ вашъ врагъ?

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

Уже давно въ печать проникали слухи о новой пьесѣ Вл. И. Немировича-Данченко. То «мы узнали», что авторъ «Цѣны жизни» рѣшился передѣлать для сцены свою повѣсть «Губернаторская ревизія», то «намъ сообщаютъ», что онъ пишетъ драму на тему «женскаго вопроса», то его тема оказывается «по ту сторону добраго и злого». Наконецъ, пьеса готова. Тогда наступаютъ новыя затрудненія: драмѣ невозможно сразу подыскать подходящее заглавіе. Сначала она называется «Около жизни», но уже во время репетицій, незадолго до перваго представленія, получаетъ новое заглавіе «Въ мечтахъ».

Газетная шумиха вокругъ имени выдающагося драматурга—да еще въ такомъ исключительномъ положеніи, въ которомъ оказался г. Немировичъ: руководитель новаго театра, признанный талантъ, давно ничего не дававшій для сцены, — вполне понятна. Слѣдовало ожидать, что столь долгій перерывъ и увлеченіе театромъ новыхъ формъ такъ или иначе отразятся на творчествѣ г. Немировича. Познакомившись съ драмою «Въ мечтахъ», нельзя не почувствовать, что газетныя сообщенія были очень близки къ истинѣ. Драма писалась съ перерывами, уклоненіями, разочарованіями.— Это сквозитъ во всемъ; настроеніе автора въ періодъ созданія этой драмы могло натолкнуть его на мысль о передѣлкѣ своей повѣсти «Губернаторская ревизія»—между драмой и этою повѣстью много общаго; если драма и никогда не ставила своею темою «женскаго вопроса», то въ первоначальномъ замыслѣ легко могла шире затронуть его сферу—драма и теперь развивается вокругъ женщины, въ атмосферѣ женскихъ страданій и устами женщины подсказывается ея послѣдній рѣшающій выводъ; драма въ окончательной редакціи открыта духомъ творца формулы «по ту сторону добраго и злого». Это не газетный Ницше—облыжный и вульгарный, а самыя вершины свѣтлой души автора Заратустры, который, благодаря пагубной популяризаціи его твореній, остались до сихъ поръ неуясненными. Наконецъ, для драмы въ томъ видѣ, какъ она сложилась и какъ выразилась у г. Немировича, пришлось мѣнять заглавія. «Около жизни» не то; что «Въ мечтахъ». Строй души автора, мучительная потребность найти соотвѣтствіе между жизнью и мечтой, реализовать мечту—требовали отъ него пьесы «Около жизни», ближе, совсѣмъ близко къ жизни. Онъ не могъ примирить возникшія противорѣчія и, не возвысившись только, а совсѣмъ приподнявшись надъ сферою жизни, далъ пьесу «Въ мечтахъ». Я себѣ это такъ представляю: драму, которая родилась въ душѣ г. Немировича, слѣдовало озаглавить «Около жизни»—то, что вышло изъ его замысла, пришлось назвать «Въ мечтахъ».

Только признавъ высказанныя положенія, возможно обратиться въ впечатлѣніяхъ отъ пьесы и оцѣнить ее. Можно сказать, что вы знакомитесь съ двумя пьесами: одну вы видите, другую вы чувствуете позади первой. Это не пустякія слова, потому что фраза: пьеса «не вышла» у г. Немировича—повто-

рылся въ одинъ голосъ въ театрѣ послѣ четвертаго дѣйствія, стало быть, все время и всѣми одинаково чувствовалось то, что «могло выйти», должно было быть. Нанряженное ожиданіе въ первыхъ двухъ актахъ, возбужденные апплодисменты послѣ третьяго, разочарованіе по окончаніи пьесы—ясно указываютъ, что публикой пьеса была воспринята правильно и съ большою полнотою. За видѣнію пьесой, зрительная зала чувствовала другую пьесу, была взволнована какой-то свѣжей и прекрасной мыслью, вотъ—вотъ готовой найти выраженіе и была разочарована итогомъ своихъ ожиданій.

Первый актъ драмы «Въ мечтахъ» происходитъ на квартирѣ учительницы пѣнія, когда-то большой и прославленной артистки Занковской (г-жа Самарова). День ея юбилей; тотъ залъ, въ которомъ она даетъ свои уроки, переполненъ возбужденной оюю толпой ея учениковъ и ученицъ. Они готовятся встрѣтить юбиляршу кантатой, сочиненной диллетантомъ-композитогомъ Пустынниковымъ (г. Грибунинъ) п, при открытіи знавъса, происходитъ послѣдняя свѣжая свѣжка подъ его дирижерствомъ. Молодежь съ горящими глазами и свѣтлыми улыбками (ея толпа очаровательна въ Художественномъ театрѣ) очень игриво настроена. Здѣсь сынъ юбилярши-студентъ (г. Москвинъ), кантатую аккомпанируетъ ея дочь княгиня Старочеркасова (г-жа Андреева)—молодая прекрасная женщина съ утомленнымъ лицомъ. Прибываютъ новыя лица. Общество шумитъ, встрѣчаетъ знаменитаго пѣвца Яхонтова (г. Лужскій), бывшаго ученика Занковской. Появляется сестра Занковской Шишкова (г-жа Книперъ), съ дочерью Юлею (г-жа Лилина). Эти дамы только-что прѣехали изъ-за границы; онѣ ведутъ разсѣянную жизнь европейскіхъ центровъ, курортовъ и игорныхъ домовъ; м-ме Широкова «грасируетъ», м-elle Широкова одѣвается въ «декадентскія» платья и все время пикируется съ своей изломанной мамашей. Вокругъ Яхонтова собирается толпа. Онъ рассказываетъ, что пѣлъ всего лучше во всю свою жизнь какъ-то на родинѣ, въ Малороссіи, и тогда, когда сто никто не слушалъ—южная ночь, да настухъ, который принялъ его за діавола. Хвалятъ кантату Пустынникова. Кто-то его спрашиваетъ, почему онъ диллетантствуетъ, когда могъ быть профессиональнымъ музыкантомъ? Пустынниковъ отвѣчалъ, что онъ любить не столько свою

заль. Происходятъ коротенькія сцены между Костромской и Старочеркасовой; раздаются маленькія реплики среди молодежи. Въ семьѣ Костромскихъ явно происходитъ разладъ и онъ касается Старочеркасовой. Говорятъ объ извѣстности и талантахъ Костромского и о томъ, что у Старочеркасовыхъ mariage blanc—«жена его — дѣвушка» какъ приблизительно опредѣляетъ эмансипированная Юлія. Актъ кончается.

Нѣтъ нужды подробно разсказывать послѣдующія дѣйствія—въ нихъ достаточно выдѣлить центральныя сцены. Во второмъ актѣ залъ ресторана—происходитъ юбилейный обѣдъ Занковской и говорятся рѣчи. Этотъ актъ почти весь состоитъ изъ рѣчей. Въ концѣ его опредѣляется центръ драмы. Послѣ обѣда, когда общество, разбившись на кружки, пьетъ кофе и ликеры, у Костромского происходитъ мучительный разговоръ съ женой, а вслѣдъ за нимъ объясненіе съ княгиней Старочеркасовой. Костромской еще раньше сказалъ своей женѣ, что не можетъ больше жить съ ней въ одномъ домѣ. Тутъ онъ объясняетъ ей, что оставляетъ ее не для другой женщины, которую полюбилъ—онъ оставляетъ и общество, Москву и уѣзжаетъ къ отцу, сельскому священнику, въ глуши Херсонской губерніи. Костромской переживаетъ тяжелыя про-

Возобновленіе „Теодоры“ Сарду въ театрѣ Сары Бернаръ.

Теодора ошупываетъ на груди мѣсто, гдѣ бьется сердце.

долю въ искусствѣ, сколько самую атмосферу искусства, которая одна способна преобразжать жизнь. Прѣзжаетъ Занковская. Поютъ кантату подносятъ цвѣты и под-ркъп.

Вмѣстѣ съ Занковской въ комнату, съ палкою въ рукахъ, входитъ высокій слѣпой старикъ Алфеевъ (г. Санинъ) и останавливается къ глубинѣ. Я живо помню, что, увидавъ его, не могъ отвести глазъ отъ этой фигуры: въ ней все было—мягкая, артистическая, патриархальная красота. Занковская отвѣчаетъ на пріѣтствія въ сбивчивыхъ словахъ: она говоритъ, что если когда-то хорошо пѣла, а теперь хорошо учить, то не чувствуютъ въ этомъ за собой никакой заслуги—это было всегда ея жизнью и ея наслажденіемъ. Она не умѣетъ говорить. Она проситъ Андрея Павловича (Алфеева) отвѣтить за нее.

Слѣпой Алфеевъ, ошупывая палкою дорогу, выходитъ на средину комнаты и начинаетъ говорить. Необыкновенно красивое и цѣльное впечатлѣніе производитъ рѣчь о прекрасной мечтѣ, которая властвуетъ надъ жизнью въ искусствѣ, о красотѣ, какъ идеалѣ жизни—въ устахъ слѣпого старика. Алфеевъ рассказываетъ о томъ, какъ полюбилъ артистку въ Занковской, но никогда не допускалъ и мысли искать въ ней женщину (между тѣмъ уже долгие годы они не расстаются и Алфеевъ сдѣлался членомъ семьи Занковской: онъ живетъ съ ней въ одномъ домѣ и «на ты» съ ея дѣтьми).

Во время рѣчи Алфеева, появляются: Бокачъ (г. Вишневицкій) политическій дѣятель, молодой прославленный писатель и ученый Костромской (г. Станиславскій), его жена (г-жа Савицкая), князь Старочеркасовъ (г. Качаловъ)—поэтъ и философъ-диллетантъ. Общество уходитъ завтракать въ соседнюю комнату, молодежь устраиваетъ для себя столы въ

творччія. Жена его считаетъ, что теперь, когда онъ такъ духовно выросъ, сталъ знаменитъ — ей не мѣсто рядомъ съ нимъ и подавлять его своею слезливою жертвой; Старочеркасова со страстью говоритъ ему о своей любви, умоляетъ его остаться. Какъ разъ, вслѣдъ за этимъ, молодежь начинаетъ настойчиво упрашивать Костромского сказать рѣчь. Онъ неохотно соглашается. Общество шумно и возбужденно усаживается слушать знаменитость.

Костромской неуклюже и сбивчиво начинаетъ говорить. Онъ говоритъ о томъ, что смыслъ жизни не счастье и достиженіе, а томленіе, — тоска о счастьѣ, онъ говоритъ о презрѣнной житейской правдѣ и прекрасной мечтѣ и за тоску по идеалу предлагаетъ тоску. Общество разочаровано, раздаются слабые апплодисменты. Тогда на средину сцены быстро выходитъ подвижный и говорливый Бокачъ, говоритъ о жизни, дѣятельности и предлагаетъ за нихъ тоску. Езурные восторженные апплодисменты. Къ Костромскому подходитъ князь Старочеркасовъ—молодой человекъ съ мечтательнымъ страдающимъ лицомъ и крѣпко пожимаетъ ему руку.

Третій актъ очень красивъ и необыкновенно тонко написанъ. Въ каждомъ домѣ бываетъ тихое задумчивое настроеніе въ средніе часы дня, когда онъ пустѣетъ—въ громадномъ барскомъ домѣ князей Старочеркасовыхъ всегда такое настроеніе. Его создаютъ тонкія артисты и прекрасная женщина, живущіе подъ его кровлей; въ глазахъ всѣхъ они—мужъ и жена, на самомъ дѣлѣ между ними существуютъ необычайныя отношенія. Княгиня Вѣра дѣвственница; князь страстно желаетъ въ ней женщину и это сдѣланное чувство принимаетъ необыкновенно тонкія и поэтическія, глубоко скорбныя, томительныя окраски. Начало весны... Въ холодной пу-

ВЕЧЕРЪ ОПЕРЕТОКЪ.

Панателла—г. Климовъ. Донъ Педро—г. Давыдовъ.
Рис. С. Панова.

стой залъ князь импровизируетъ на роляхъ печальные «славянскіе» мотивы, княгиня гуляетъ въ саду. Князь это знаетъ—онъ знаетъ все, что она дѣлаетъ во всѣ часы дня, онъ вложилъ въ мечты о ней всѣ свои чувства и необыкновенно изобрѣлъ ихъ: онъ можетъ читать въ ея душѣ, несмотря на то, что они очень рѣдко говорятъ другъ съ другомъ. Онъ знаетъ, что она полюбила Костромского и говоритъ ей объ этомъ—просто, тихо, спокойно, какъ всегда говорятъ они въ этомъ домѣ, точно боясь потревожить тонкую атмосферу своихъ необычайныхъ отношений.

Привѣщаетъ Костромской проститься. Вѣру охватываетъ порывъ страсти къ Костромскому; она умоляетъ его взять ее съ собой. Костромской стойко борется: она хочетъ оставить въ своей душѣ чувство къ Вѣрѣ, какъ «мечту», томленіе, почерпнуть изъ тоски его высшее міросозерцаніе, а не дать ему погибнуть реальнымъ выраженіемъ въ жизни. Но страсть Вѣры начинаетъ передаваться Костромскому—онъ цѣлуетъ ее. «Это былъ мой первый поцѣлуй», говоритъ Вѣра. Слыши голоса князя и Бокача, который прѣхалъ вмѣстѣ съ Костромскимъ. Вѣра быстро сдвигается въ свой садъ.

Когда князь входитъ въ начинающую темноту комнату, онъ сначала не видитъ Костромского, неподвижно сидящаго въ углу. Костромской встаетъ, князь пылливо всматривается ему въ лицо. Костромской хочетъ проститься, уѣхать, но князь проситъ подарить ему нѣсколько минутъ. Онъ начинаетъ говорить... Онъ говоритъ объ отношеніяхъ между людьми, которые вѣчно прячутся другъ отъ друга, и предлагаетъ Костромскому прямо и смѣло заглянуть въ его душу. «Смотрите, я сбрасываю всѣ покровы!»—говоритъ онъ. Онъ знаетъ чувства Вѣры къ Костромскому, но онъ убѣжденъ, что въ жизни этого дома ничто никогда не измѣнится: Вѣра останется здѣсь навсегда, томясь своею любовью, также, какъ и онъ—вѣчно, безъ конца, безъ результата, одною тоской претвореннаго этимъ чувствомъ тонкаго міросозерцанія. Онъ не находитъ въ себѣ никакого недобраго чувства къ Костромскому—напротивъ, онъ поклоняется его таланту и вліянію, которыя возвысили строй его души. Костромской обнимаетъ Старочеркасова. Входитъ Вѣра. Костромской быстро уходитъ, не сказавъ ей ни слова. Занавѣсъ опускается.

Утромъ слѣдующаго дня, къ Занковской, въ часъ урока появляется Вѣра и проситъ брата и Алфеева, которыхъ застаетъ въ столовой, дать ей возможность немедленно переговорить съ матерью. Свиданіе это очень долго не устраивается, потому что Занковскую отвлекаютъ ученики, а искусство всегда ее больше поглощало, чѣмъ родственныя отношенія. Вѣра очень возбуждена, негодуетъ на мать, говоритъ Алфееву, что должна немедленно что нибудь предпринять, не можетъ жить такъ дальше, какъ жила до сихъ поръ, хочетъ уѣхать съ Бокачемъ и отдаться политической дѣятельности. Алфеевъ настойчиво выпроваживаетъ учениковъ Занковской и мать съ дочерью наконецъ остаются наединѣ. Ихъ разговоръ также смутенъ, какъ и многое въ четвертомъ актѣ (напримѣръ, неожиданная, такъ ей не гармонирующая, мысль Вѣры о какой-то политической дѣятельности). Вѣра говоритъ

о своихъ страданіяхъ, о своей любви и читаетъ письмо Костромского, которое онъ ей прислалъ съ вокзала. Письмо повторяетъ рѣчи третьяго акта, говоритъ о воспоминаніяхъ, о тоскѣ сдвинутыхъ желаній, какъ единой высшей красотѣ. Занковская соглашается съ этимъ и говоритъ, что тоска сдвинутыхъ желаній претворяется въ творчество, чему она видѣла примѣры въ своей собственной жизни. Приходятъ Бокачъ, князь, Пустышниковъ. Пустышниковъ запѣваетъ Бокачу старую тоскливую «славянскую» пѣсню, подъ тихіе звуки которой князь мечтательно говоритъ о красотѣ сдвинутыхъ желаній. Пьеса оканчивается.

Уже изъ одного пересказа видно, какъ странно и сбивчиво построена драма. Если ко многому, очень существенному и совершенно невыясненному въ драмѣ, прибавить эпизодическихъ лицъ (г-жа Широкова, Юлія Широкова, Солнцева (г-жа Мунтъ), Букова (г-жа Литовцева), Топольковъ (г. Алдуневъ) и мн. др., плохо вяжущихся съ колоритомъ драмы и не имѣющихъ никакого отношенія къ ея цѣли—стаетъ очевиднымъ, что драма сдѣлана изъ какихъ-то прекрасныхъ кусочковъ, причемъ, подгоняя ихъ другъ къ другу, авторъ долженъ былъ оставить незакаленными многія неподходящія фигуры. Говорятъ, что существовали наброски драмы «Юбилей», изъ которыхъ взяты первые акты «Въ мечтахъ». Это кажется вѣроятнымъ. Мнѣ думается, что драма «Юбилей» брала свою тему роль женщины въ искусствѣ: папки на это сохранились въ тѣняхъ двухъ ученицъ Занковской—легкомысленной Солнцовой, которая становится невѣстой глупаго Тополькова, и скромной, робкой Буковой, которую преслѣдуетъ Яхонтовъ. Наконецъ, сама Занковская, Алфеевъ и ихъ отношенія ближе къ какой-то другой драмѣ—болѣе житейской (не болѣе жизненной), болѣе доступной и не менѣе прекрасной.

Занковская претворила въ талантѣ сдвинутыя желанія. Но она не чуждалась жизни и не убѣгала отъ нея въ пустыни аллен княжескаго сада или въ глушь Херсонской деревни. Она мать двухъ дѣтей, ей знакома сила сознанія своихъ женскихъ чаръ—не даромъ она говоритъ дочери про Костромского: «отъ меня бы онъ не убѣжалъ!» Алфеевъ въ глубинѣ души, навѣрное, любилъ женщину въ Занковской и эти сдвинутыя желанія претворились въ немъ въ искусство (онъ—литераторъ, какъ кажется, художественный критикъ). Но это только его побуждало быть около нея, дышать съ ней однимъ воздухомъ, служить ей и боготворить ее. А Костромской, полюбивъ Вѣру, уѣзжаетъ въ Херсонскую губернію.

Совершенно неясно, какимъ образомъ у княгини Вѣры образовались такія отношенія къ своему мужу, что поцѣлуй Костромского былъ ей первымъ поцѣлуемъ послѣ трехъ лѣтъ замужества. Но, пусть это такъ,—это очень красиво и сильно для избранной темы. Костромской, не желая унижить своего чувства къ Вѣрѣ рутинною интригою мужа, развѣхавшагося съ женой послѣ долгихъ лѣтъ супружества, подавляетъ его. Это понятно. Такъ, вотъ бы и жить Костромскому въ атмосферѣ возвышеннаго долга передъ своею собственной душой*), питая ее тоскою сдвинутыхъ желаній и красотой такого общенія съ прекрасной женщиной. Что нужно Костромскому у отца—«попа съ косичкой», если даже ему и не нужна сама Вѣра? Однако, какъ же не нужна, если онъ ее цѣлуетъ и пишетъ ей такія письма?

Костромской поставленъ на высоту міросозерцанія Ницше, но ему не дано силы удержаться на нихъ. Вѣгство—совсѣмъ не рѣшисіе житейскихъ противорѣчій, и публика поняла это, холодно отнесаясь къ заключительному акту драмы. Еще одно позабитое слово... Княгиня Вѣра мучается тѣмъ, что у нея не оказалось талантовъ матери: изъ нея не вышло пѣвицы, не вышло пианистки, хотя Занковская и увѣряетъ, что у нея есть несомнѣнный музыкальный талантъ. Княгиня Вѣра слѣдовало поучиться любить искусство у Пустышникова.

Драма очень много обѣщала, меньше дала, но она все-таки—сбивчивая и пестрая—проникнута трепетомъ глубокой и возвышенной красоты. Г. Немировичъ робко вступаетъ съ ней въ своею творчествомъ на совершенно новую дорогу, въ новый строй мыслей и чувствъ. Дальнѣйшіе шаги будутъ болѣе увѣренны и за драмою «Въ мечтахъ» можетъ быть послѣдуетъ драма «Около жизни». Какое бы заглавіе она въ дѣйствительности ни имѣла—эта будущая драма, хочется надѣяться, что она будетъ болѣе «около жизни». Представленіе новой драмы г. Немировича въ Художественномъ театрѣ имѣло торжественный и праздничный видъ. Авторъ получилъ нѣсколько вѣнковъ и подарковъ. Объ исполненіи я напишу въ слѣдующій разъ—въ немъ есть многое, достойное вниманія.

П. Ярицевъ.

*) Единственный «долгъ», проповѣдуемый Ницше, но стоитъ всѣхъ другихъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Театральныя замѣтки.

Новой пьесы Вл. Ив. Немировича-Данченко я не знаю, и сужу только по тѣмъ отзывамъ, которые прочелъ. Идея—любопытная. Я считаю ее крайне современной, хотя названіе — «Въ мечтахъ» отзывается чѣмъ-то буржуазнымъ и тривіальнымъ. Я непременно напишу объ этой пьесѣ, когда она будетъ у меня въ рукахъ или я увижу ее на сценѣ. Собственно основная идея представляетъ продолженіе «Цѣны жизни»—въ общихъ чертахъ, разумѣется. Дѣло идетъ все о той же «переоцѣнкѣ цѣнностей». Интересна ли жизнь, какъ реальность? И если, вообще, идеальная сущность, во всемъ и вездѣ, возвышается надъ реальнымъ «феноменомъ» — почему бы и къ жизни не примѣнить этой идеалистической критики разума и сердца?

Мы покончили со старымъ вѣкомъ, вступаемъ въ новый. Но грѣхи наши и недостатки остались тѣ же. Жить скучно и неинтересно. Краски полиняли, нѣтъ влеченій и порывовъ, и «разочарованному чужды всѣ обольщенія прежнихъ дней». Когда наступаетъ это разочарованіе, эта усталость, скука и «нуда» жизни — возможенъ двоякій выходъ: во-первыхъ, какъ гласитъ старинная поговорка, когда чортъ больше не можетъ грѣшить, онъ становится отшельникомъ и убиваетъ живую жизнь, во имя высокихъ началъ морали; во-вторыхъ, вмѣсто того, чтобы искать спасенія, можно возродить въ себѣ тотъ культъ инстинкта, который даетъ «молодой жизни» такую быстроту, такую захватывающую прелесть.

Жизнь—это, если можно выразиться, равнодѣйствующая инстинкта и морали. Мораль тѣмъ ярче и пышнѣе разцвѣтаетъ, чѣмъ слабѣе инстинктъ, и наоборотъ. Они существуютъ за счетъ другъ друга. Теорія Мечникова о болѣзнетворныхъ процессахъ, по которой бѣлые шарики здороваго организма пожираютъ бациллъ и тѣмъ спасаютъ отъ заболѣванія, а въ надорванномъ организмѣ бациллы пожираютъ бѣлые шарики и размножаются въ крови, порождая болѣзни — эта остроумная теорія вполне примѣнима къ болѣзнямъ духа. Когда ослабленъ инстинктъ, мораль быстро поѣдаетъ его остатки и

превращаетъ жизнь въ скучную, нудную и отвлеченную схоластику. И наоборотъ, инстинктъ пожираетъ мораль и празднуетъ на развалинахъ ослабленной, истощенной и побѣжденной морали свою оргію.

Большинство героев современной литературы, и особенно драмы — люди съ ослабленными инстинктами. Какъ можно судить по пересказу пьесы Вл. Ив. Немировича-Данченко (см. письмо П. М. Ярцева) дѣйствующія лица у него страдаютъ также этою

«La Pompadoure», новая пьеса Э. Бержера.

Г-жа Гадингъ въ роли маркизы Помпадуръ.

способна воплотиться въ дѣйствіи, потому что на каждомъ шагу ее задерживаютъ умствованія, мораль, разногласія нравственныхъ побужденій.

Успѣхъ Горькаго объясняется прежде всего тѣмъ, что его произведенія представляютъ, если можно выразиться, «пѣснь торжествующаго инстинкта». Этотъ побѣдный крикъ инстинкта слышится повсюду. Нигдѣ Горькій не жалѣетъ о поверженной морали, но вездѣ—о «сдавленномъ желаніи», которому не суждено было воплотиться. Помните его «Двадцать шесть и одна»? Этотъ превосходный рассказъ отразилъ въ себѣ всего Горькаго, всю сущность его дарованія и души. Жизнь, проведенная въ лишенияхъ, физическихъ бѣдствіяхъ, въ борьбѣ за удовлетвореніе первоначальныхъ инстинктовъ, внушили ему искреннее преклоненіе предъ инстинктомъ. Инстинктивное вездѣ у Горькаго возвышается надъ разсудочнымъ и нравственнымъ. Его герои воистину находятся «по ту сторону добра и зла».

подавленностью, угнетенностью инстинкта. Въ пьесѣ выводится даже супружество такого рода — «mariage blanc» — при чемъ герои живутъ въ атмосферѣ «сдавленныхъ желаній». У Чехова большинство героев представляютъ ту же картину подавленности инстинктовъ. «Три сестры» — это коллекція людей, «разлюбившихъ свои желанія». Подавленность общей картины, ея беспросвѣтность и печаль проистекаютъ именно изъ отсутствія опредѣленныхъ, властныхъ желаній. Г. Сутугинъ въ своей прекрасной статьѣ о «Трехъ сестрахъ» совершенно правильно указалъ на дряблость сестеръ, да и окружающихъ. Слѣдовало бы только прибавить, что бѣда въ отсутствіи самой возможности желать и стремиться, вслѣдствіе ослабленности инстинктивной стороны человѣческой природы. Воля не

Всѣ эти лица изъ повѣсти «Трое»—развѣ они добры или злы? Эти гуляющія дѣвушки, эти сутенеры, эта жена околоточнаго («птичка»), которая такъ просто отдается, и такъ разсудительно управляетъ домою—все это подается безъ всякаго участія морали. Это—жизнь, въ ея инстинктивномъ влеченіи къ ощущеніямъ, но нельзя сказать, чтобы добрая или злая. «Обожествленіе силы»—вотъ сущность Горькаго.

Горькій—художникъ нищезанятства, даромъ, что герои его босьяки и гуляющія дѣвушки. Достоевскій выполнилъ отрицательную сторону нищезанятства, т. е. вѣрнѣе, предвосхитилъ задачу нѣмецкаго философа. Онъ угадалъ возстаніе, бунтъ личности, обоготвореніе инстинкта. Но какъ всегда бываетъ при переломахъ и процессахъ «нарожденія», герои Достоевскаго болны возстаніемъ инстинкта и почти сумасшедшіе. Инстинктъ ихъ перерожденъ и самъ себя страшится. У Горькаго мы видимъ уже безболѣзненное торжество инстинкта,—если бы это не звучало логическимъ абсурдомъ, я бы сказалъ—самосознаніе инстинкта. И Соня, и Раскольниковъ («Трое») давно покончили съ истерическимъ самобичеваніемъ. Жизнь складывается для нихъ ясно и опредѣленно.

Жизнь «въ мечтахъ»—жизнь, вялая, скорбная, сонливая. Босьяки Горькаго потому такъ и увлекли общество, что ихъ жизнь есть жизнь дѣйствія, силы, страстей, а не мечтательныхъ отраженій, какъ жизнь чеховскихъ героевъ. Я, вообще, не знаю такого разительнаго примѣра одновременнаго существованія и одновременной популярности двухъ столь противоположныхъ по духу писателей, какъ Чеховъ и Горькій. Чеховъ—поэтъ мечты, недоношенныхъ инстинктовъ, перерожденной чувствительности; Горькій—поэтъ страстей, гордаго инстинкта, чувственности. Чеховъ рисуетъ отрицательную сторону жизни, пребывающей «въ мечтахъ»; Горькій—положительныя радости жизни, находящейся въ дѣйствіи. Все, что инстинктивно, внушаетъ Чехову чувство брезгливости: въ компании «Трехъ сестеръ», живущихъ «въ мечтахъ», одна Наташа живетъ инстинктами—половыми, стяжательными, материнскими и нѣтъ пошлѣе и ничтожнѣе существа во всей пьесѣ, какъ Наташа. Г. Сутугинъ (читатели, конечно, помнятъ его во многихъ отношеніяхъ замѣчательную статью) полагаетъ, что нужна разсудочная положительность или лучше сказать, сознательная утилитарность желаній и стремленій. Это явленіе обычное для запада, гдѣ буржуазная мораль отлилась въ законченныя формы и заставляетъ всѣхъ жить по одному образцу. Но Россія—страна крайностей, и слабость общественной морали есть признакъ ея молодой и оригинальной культуры. Отъ того она вмѣщаетъ «въ свои концы» такое разнообразіе натуръ. У насъ борьба идетъ не между личностью и общественною моралью—моралью, которая находится внѣ личности и препятствуетъ ей зажечь «Огни Ивановой ночи» (позвольте взять это наименованіе зудермановской пьесы)—наша борьба заключена въ предѣлахъ самой личности, раздвоенной между инстинктомъ и собственнымъ нравственнымъ чувствомъ. Зажечь огонь мѣшаетъ не общество, о бездѣйствіе инстинкта, предъ «мечтой» перерожденнаго нравственнаго чувства. И Горькій разрѣшилъ это столкновение апологіею инстинкта.

Драмѣ, собственно говоря, нечего дѣлать съ героями, живущими «въ мечтахъ». Въ мечтахъ живетъ лирика, а не драма. Такъ ей было положено и въ этомъ ея отличительная отъ другихъ родовъ поэзіи особенность. Сценическій успѣхъ дѣлаютъ Чехову тѣ немногія, раздражающія и волнующія,

сцены, гдѣ мечты—безразличныя съ реальной точки зрѣнія—превращаются въ страданія или въ дикій взрывъ инстинкта. Таковы 3 актъ «Дяди Вани», 4 актъ «Трехъ сестеръ». Все остальное нисколько не драма. Первый и второй актъ «Дяди Вани» или первые три акта «Трехъ сестеръ»—романъ въ диалогической формѣ. Можно сдѣлать вдвое больше ихъ или вдвое меньше,—какъ угодно. Для драмы нуженъ, герой т. е. носитель инстинктовъ, который стремится, добываетъ, падаетъ, вновь поднимается, и въ этой смѣнѣ желаній и дѣйствій протекаетъ жизнь.

Драма жаждетъ героевъ и героическаго, работы, труда, задачъ, осуществимыхъ или превышающихъ мѣру человѣческихъ силъ, но заключающихся всегда и неизмѣнно въ стремленіи къ цѣли, т. е. въ движеніи. И происхожденіе драмы не такое, чтобы успокоиться въ мечтахъ. Драма возникла, какъ культъ Вакха и Венеры, какъ оргія инстинкта, и этотъ инстинктивный характеръ сохранить до конца своихъ дней, или выродится, быть можетъ, въ новый родъ искусства, который уже не будетъ драмой.

Въ пьесѣ «Мѣщане» Горькаго одно изъ дѣйствующихъ лицъ выражается: «надо идти въ гуцу жизни». Не знаю, какова будетъ пьеса Горькаго—можетъ быть слабая, потому что творчество Горькаго только тамъ и хорошо, гдѣ оно инстинктивно какъ и жизнь большинства его героевъ—но несомнѣнно, что задача драматической литературы (говорю—не въ примѣненіи къ пьесѣ Вл. Ив. Немировича-Данченка, которой не знаю, и которая во всякомъ случаѣ представляетъ интересное литературное явленіе) есть именно «гуца жизни», а не «мечты» и не «около жизни». Люди, боящіеся жизни, прячущіе свои инстинкты подъ покровомъ нравственныхъ тонкостей и хитросплетеній, полагающіе цѣль въ освобожденіи себя отъ инстинктовъ—быть можетъ, и очень совершенные экземпляры человѣческой породы, но они слишкомъ хороши, слишкомъ ангелы для такой грубой вещи, какъ сцена. Задача драмы—показать счастье, добываемое постояннымъ осуществленіемъ воли во внѣ, въ дѣйствіи. Люди слишкомъ много живутъ «мечтами» въ жизни, принося въ жертву имъ естественныя инстинкты и влеченія живого существа. Вслѣдствіе деликатности, состраданія, нравственнаго долга, мимо носа проходитъ жизнь, сѣрая, скучная, ни разу не озаренная огнемъ страстей. Въ театрѣ мы ищемъ именно этого восполненія дѣйствительности «сдавленныхъ желаній». И успѣхъ всегда будетъ сопровождать драму, гдѣ желаніямъ дана свобода, гдѣ предоставленъ просторъ чувственнымъ воспріятіямъ жизни, а не блѣднымъ отраженіямъ этихъ воспріятій въ душахъ, давно умершихъ для инстинктовъ.

А. К—ель.

СВИСТОПЛЯСКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Финиковъ старался убѣдить Таису Ѳедоровну, что онъ запросилъ съ ихъ общества совсѣмъ недорого.

— Позвольте, но почему же Лещевскій беретъ дешевле васъ?—спросила Таиса Ѳедоровна, сидѣвшая на диванѣ у Финикова. Она оглядывала обстановку комнаты.

— Лещевскій! — презрительно воскликнулъ Финиковъ: ваша правда, Лещевскій беретъ и по пятнадцати и по двадцати, но развѣ Лещевскій оживаетъ? Вы поглядите, что дѣлается у Лещевскаго: всѣ ходятъ сонными, какъ отравленныя мухи. Лещевскій хорошій танцоръ, но какъ дирижеръ... куда же онъ годенъ? Назначьте въ одинъ вечеръ два бала; на одной афишѣ поставьте мое имя, на другой Лещевскаго... Куда пойдетъ публика? Ну-те-ка, скажите?

— Конечно, на тотъ, гдѣ вы,—отвѣтила Таиса Ѳедоровна и перевела свои взоры съ пыльных оконныхъ портьеръ на обтрепанныя плюшевыя кресла.

— А, въ томъ-то и дѣло! Я работаю на балахъ, а Лещевскій не работаетъ. На вечеръ въ пользу родильнаго приюта... вотъ, что устраивала княгиня Крупоносова... я былъ мокрый, какъ мышь. Вотъ какъ я работаю! Мое балансе — поголовный волчокъ... Ни одна пара не застаивается... Всѣ ходуномъ ходятъ... А мои шены? Вы видѣли мои шены?

— Очаровательны,—одобрила шены Финикова Таиса Ѳедоровна.

— Нутко! Пусть вашъ Лещевскій придумаетъ такую повертку дамъ, какъ у меня... У меня дама вотъ что дѣлаетъ...

Финиковъ вскочилъ съ кресла и показалъ Таисѣ Ѳедоровнѣ, «что у него дѣлаетъ дама».

— Извольте видѣть?

— Да, вижу...

— У Лещевскаго дама этого никогда не сдѣлаетъ, никогда! Держу какое хотите пари. Ни вовѣки-вѣковъ! Развѣ на свѣтопреставленіи.

— Вы думаете, что на свѣтопреставленіи танцовать будутъ? улынулась Таиса Ѳедоровна.

— Нѣтъ, я такъ, къ слову... Я о смертномъ часѣ мало думаю. (Финиковъ сдѣлалъ грустное лицо и вздохнулъ). Когда тутъ думать о смерти, если жить надо... Вѣдь я 24 года танцую! Юбилей пора праздновать... А видите, въ какой обстановкѣ живу? Квартиру не могу нанять; въ меблированныхъ комнатахъ нищенствую. Искусство, Таиса Ѳедоровна, плохо кормитъ.

Финиковъ повелъ глазами на обстановку своей комнаты. Она была, дѣйствительно, не блестяща: потертая мебель, линючія драпри, лубочныхъ двѣ—три картинки и между окнами трюмо, безъ котораго въ его профессіи, какъ пояснилъ Финиковъ, обой-

тись нельзя. Занавѣски скрывали его кровать, а тоненькая перегородка отдѣляла небольшую часть комнаты, гдѣ находилась вѣшалка для теплаго платья.

— О нашемъ юбилеѣ надо въ газетахъ писать,—замѣтила Таиса Ѳедоровна: чего-жъ вы медлите? Закажите статью...

— Я себя не рекламирую. Если сама благосклонная публика не вспомнитъ обо мнѣ—я ни единого звука не издамъ. Мнѣ кажется, что мое имя, Таиса Ѳедоровна, должно быть извѣстно и безъ рекламы.

Они опять перешли къ дѣлу и немного поторговались. Таиса Ѳедоровна упирала на благотворительную цѣль вечера, жаловалась на оскудѣніе кассы, на плохое поступленіе членскихъ взносовъ и на скупость покровителей: на примѣръ графъ Оркестровъ, почетный членъ ихъ общества, прислалъ въ этомъ году всего только сто рублей. «Какъ вамъ покажется? Этакій богачъ!».. Финиковъ съ своей стороны замѣтилъ, что онъ—Финиковъ—«этимъ живетъ» и что при всемъ желаніи понизить цѣну рѣшительно не можетъ. Графа Оркестрова онъ не обвинилъ въ скупости и на замѣчаніе Таисы Ѳедоровны касательно присланныхъ графомъ ста рублей воскликнулъ: «а вы спросили-бы, какіе у него расходы! Одна Кустикова чего стоитъ!».. Впрочемъ, «побившись» еще полъ-часа, обѣ стороны пришли къ обоюдному соглашенію: Финиковъ немощно «спустилъ» свою цѣну, Таиса Ѳедоровна нѣсколько повысила свою.

— Вамъ, конечно, задатокъ нуженъ? спросила она, когда они покончили.

— Да, нѣсколько рублей впередъ... Вѣдь у меня тоже расходы...

Таиса Ѳедоровна порылась въ своемъ саквояжикѣ и подала ему десять рублей.

— Grand merci,—поклонился ей Финиковъ.

Онъ проводилъ Таису Ѳедоровну до самыхъ дверей по корридору, даже вышелъ на лѣстницу и, стоя на площадкѣ, смотрѣлъ, какъ она спускается съ его пятого этажа.

— Au revoir! послалъ онъ ей въ догонку и помчался

обратно по корридору въ свою комнату.

— Дуняша,—сказалъ онъ попавшейся ему на встрѣчу горничной,—попросите ко мнѣ хозяйку...

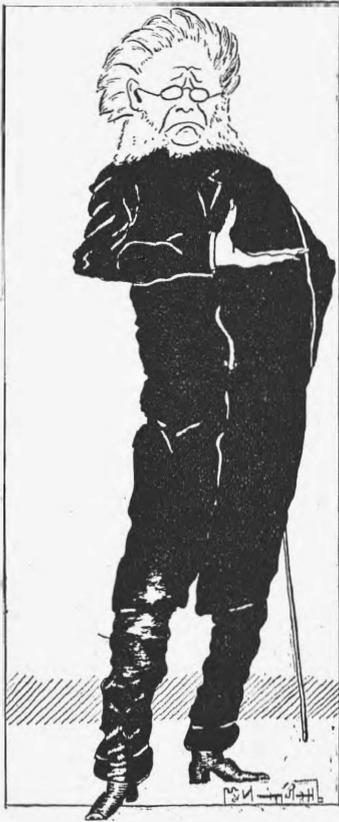
Дуняша—круглолицая съ развитымъ бюстомъ особа—только что отнесла вычищенное ею платье другому жильцу, который каждое утро уходилъ заниматься въ какую-то редакцію и мчался на зовъ третьяго жильца—отставнаго капитана, всегда послѣ получки пенсіи находившагося въ возбужденномъ состояніи.

— Сичасъ, сичасъ,—проговорила она скороговоркою и юркнула въ дверь, за которою раздавался нѣсколько охрипшій голосъ: «лѣвую ногу впередъ! На пра-во! Маршъ!»!

Финикова досаждала эта военная команда, когда

Литературная слава и критика. Аллегорія («Jugend»).

Ибсень (гордо): Только меня одного еще не передѣляли.

небрежно и грязно одѣтой особѣ почтеннаго возраста, сидѣвшей за своимъ вѣчнымъ кофе: васъ просятъ.

— Кто проситъ?

— А вотъ тотъ... Какъ его... Вотъ что танцуетъ...

Каролина Ивановна накинула на плечи свой старомодный шлафрокъ, служившій единственнымъ ея украшеніемъ при всѣхъ представительствахъ и, шлепая истоптанными туфлями, вошла въ комнату Финикова.

Финиковъ съ ней поздоровался, предложилъ «присѣсть» и спросилъ, сколько онъ долженъ ей за обѣды.

— Шесть съ полтинъ...

— Получите. Да, пожалуйста, вмѣсто поджаренныхъ подошвъ присылайте мнѣ бифштексъ съ кровью. Я уже давно получаю отъ васъ какую-то дрянь.

— Ахъ, каспатынъ Финиковъ!—воскликнула Каролина Ивановна:—какъ фамъ не стигъ! Сами свѣшь провизій... У мене нѣтъ патошфа... Мой столъ всѣ шильси тофольна... Фи отинъ нетофольна...

Каролина Ивановна видимо обидѣлась и объявила, что не можетъ давать жильцамъ за «такой маленькій платъ перфи сортъ», что съ нѣкоторыхъ она даже не дополучаетъ, а вѣдь «въ лафка я теньги платйтъ... безъ теньга изъ лафка не отпускайтъ»,—заклчила она свой протестъ.

Каролина Ивановна хотѣла сказать еще очень многое, такъ какъ любила поговорить «съ карошь шильцомъ», но Финиковъ далъ ей понять, что спѣшитъ изъ дому и что выслушивать Каролину Ивановну не имѣетъ времени.

Онъ дѣйствительно спѣшилъ и спѣшилъ именно къ Кустиковой, которую нужно было непременно застать дома до репетиціи. Дуняшѣ онъ сказалъ, что если его кто-нибудь будетъ спрашивать, то непременно ввести въ комнату и записать адресъ.

II.

А Таиса Ѳедоровна тѣмъ временемъ ѣхала на Петербургскую сторону къ знакомой концертной пѣ-

она выносилась изъ комнаты въ корридоръ, гдѣ немедленно всегда у капитана съ хозяйкою происходила схватка. Хозяйка угрожала капитану полицією и кричала визгливымъ голосомъ на весь корридоръ—«полись, полись!»—что на російскомъ языкѣ означало полицію, а капитанъ зычнымъ басомъ отвѣчалъ ей—«молчать! На-лѣво-кру-у-гомъ— марш!» и прибавлялъ иногда—«баба!»

На сей разъ команда дальше комнаты не пошла и Дуняша, выскользнувшая отъ капитана съ зарумянившимся лицомъ, ибо капитанъ въ возбужденномъ состояніи позволялъ себѣ лишнее, — понеслась въ кухню къ хозяйкѣ.

— Каролина Ивановна, — сказала она

вицѣ Тутоловской, обладавшей по ея словамъ «симпатичнымъ сопрано». Тутоловская, также, какъ и Финиковъ, жила въ мебелированной комнатѣ и считала себя непонятою и неогнѣнною Патти. Пѣла она съ руладами, таращила глаза, надѣвала сильно декольтированныя платья, осыпала себя пудрою и считала свои сорокъ лѣтъ годами юности. Это была неудавшаяся пѣвица, которая, какъ рассказывали, вслѣдствіе какихъ-то закулисныхъ интригъ, не попала въ свое время на сцену и состарѣлась въ концертахъ. Отъ Тутоловской Таисѣ Ѳедоровнѣ надлежало еще захватить къ декламатору Булыжникову, отъ Булыжникова къ тенору-любителю, служившему въ какомъ-то банкѣ, затѣмъ къ виолончелисту, также гдѣ-то служившему, и, наконецъ, къ молоденькой арфисткѣ съ «эффектною внѣшностью», благосклонно обѣщавшей свое участіе съ арфою. Приглашеніе пианиста взялъ на себя секретарь общества, хорошо знавшій «всѣхъ пианистовъ». Таиса Ѳедоровна застала Тутоловскую въ дезабильѣ. Пѣвица не любила стѣснять себя дома шнуровками и похожа была на подошедшее тѣсто, ползущее изъ кастрюли во всѣ стороны. Убрано было только лицо: т. е. на тонкій слой румянъ положено значительное количество пудры, нарисованы брови, сдѣланы возлѣ глазъ тѣни и подкрашены губы. Дамы, какъ старыя знакомыя, сочно расцѣловались. Таиса Ѳедоровна начала съ комплиментовъ. Прежде всего она всплеснула руками и воскликнула—«Боже мой, какая вы хорошенькая!» Потомъ бросилась къ Тутоловской и опять сочно поцѣловала ее въ крашенныя губы; потомъ, взявъ руки Тутоловской, пристально поглядѣла ей въ глаза и сказала: «вы совсѣмъ не старѣетесь, въ васъ можно влюбиться до безумія» и только тогда, когда Тутоловская, польщенная ея восхищеніемъ, прервала восторги своей гостью вопросомъ—«чѣмъ она можетъ служить ей» — Таиса Ѳедоровна перешла къ дѣлу. Выслушавъ «дѣло» и кисло улыбувшись на приглашеніе Таисы Ѳедоровны участвовать въ концертѣ, Тутоловская, какъ всѣ знаменитости, сдѣлала такой видъ, какъ будто она была страшно утомлена своею артистическою дѣятельностью и съ удовольствіемъ-бы отказалась отъ концерта, если-бы не расположеніе къ Таисѣ Ѳедоровнѣ и не «святое дѣло», ради котораго устраивается этотъ концертъ. Но прежде, чѣмъ дать согласіе, Тутоловская все-таки поломалась. Она прежде всего спросила Таису Ѳедоровну — «можетъ-быть, она, Таиса Ѳедоровна, найдетъ возможность обойтись безъ нея, Тутоловской» и когда Таиса Ѳедоровна воскликнула: «ни за что на свѣтѣ! Вы насъ лишаете сбора, васъ обожаетъ публика»,—Тутоловская подкатила глаза подъ потолокъ, вздохнула, какъ вздыхаютъ всѣ жертвы назойливой благотворительности, и произнесла:

— Ужъ и не знаю, какъ мнѣ быть... Вчера у меня были изъ повивальныхъ курсовъ, — имъ обѣщала, сегодня до васъ—изъ таксаторскихъ классовъ... Въ пятницу я занята въ Кредитномъ Обществѣ... въ воскресенье пою въ дѣтскомъ утрѣ.

— Ахъ, Богъ съ ними съ этими дѣтскими утрами, повивальными курсами, — воскликнула Таиса Ѳедоровна:—я низа что васъ никому не уступлю, ни за что! Нѣтъ, вы должны. Иначе я не выйду изъ вашей комнаты...

— Это мнѣ будетъ очень приятно, — очаровательно улыбнулась Тутоло-

ловская и бросила Таисѣ Ѳедоровнѣ взглядъ, какой бросаетъ она публикѣ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ просто насилую! Наступаю пятой на вашу доброту! Заношу деспотически вашу фамилію на афишу и сама... слышите, сама приѣзжаю за вами въ каретѣ и увожу васъ въ концертъ.

Тутоловская размѣялась и дала согласіе на участіе въ концертѣ Таисы Ѳедоровны, за что Таиса Ѳедоровна порывисто бросилась на грудь Тутоловской и утонула въ ней.

Только когда спускалась она съ лѣстницы отъ Тутоловской и садилась въ свой экипажъ, ео былъ вынуть изъ кармана душистый, расшивной платочекъ и вытерты губы. Таиса Ѳедоровна нѣскольکو брезгливо относилась къ продуктамъ химической лабораторіи. «Слава Богу, уломала эту дуру,—думала Таиса Ѳедоровна: хоть она и отвратительно поетъ, но все же лишній номеръ на афишѣ. А какъ она распозлалась! Корова, совсѣмъ корова. И на какія средства она живетъ? Неужели находятся охотники мепенатствовать этому уроду?»

Таковы были мысли Таисы Ѳедоровны въ то время, когда она садилась въ экипажъ и повелѣвала везти себя къ декламатору.

М. Любимовъ.

(Продолженіе смѣдуетъ).

За границей.

Надняхъ въ Берлинѣ на сценѣ «Deutsches Theater» съ успѣхомъ были поставлены четыре одноактные пьесы Артура Шнитцлера, подобно извѣстной русской публикѣ трилогіи «Зеленый попугай», связанные одной общей идеей. Общее заглавіе всѣхъ 4-хъ пьесъ «Lebendige Stunden». Это же заглавіе носитъ и первая пьеса, наименѣе удачная изъ всѣхъ четырехъ, доказывающая то, что собственно не требуетъ доказательствъ, а именно, что живые не должны жертвовать своей жизнью для мертвыхъ. Вторая пьеса названа Шнитцлеромъ «Женщина съ кинжаломъ». Молодая женщина съ своимъ возлюбленнымъ стоитъ въ картинной галлерей. Они любятъ извѣстную картину флорентинской школы XV вѣка, изображающей женщину съ кинжаломъ. Полинѣ кажется, что эта женщина изображаетъ ее самое. На сценѣ темнѣетъ. И Полина дѣйствительно превращается въ флорентинку, жену того художника, который написалъ картину. Въ рукахъ ея кинжалъ, которымъ она убиваетъ дерзновеннаго, посягнувшаго на ея честь. Мужъ — художникъ присутствуетъ при этой сценѣ; его увлекаетъ прежде всего трагическая красота жеста. Онъ схватываетъ палитру и кисть и начинаетъ набрасывать картину «Женщина съ кинжаломъ». Греза Полины кончилась. Она вновь стоитъ съ своимъ платоническимъ вздыхателемъ передъ смутившей ея покой картиной. Она возмущена имъ, мстятъ мужу, не умѣвшему оцѣнить порыва честной жены, соглашается, наконецъ, на свиданье съ влюбленнымъ въ нее молодымъ человѣкомъ.

Третья пьеса «Послѣдняя маска» переноситъ насъ въ палату больницы. Здѣсь каждаго больного стережетъ смерть. Чахоточный поэтъ, растратившій свое вдохновеніе въ погонѣ за построчной платой, раскрываетъ свою душу предъ своимъ товарищемъ по койкѣ чахоточнымъ актеромъ. Поэтъ Радемахеръ, чувствуя приближеніе смерти, хочетъ отомстить товарищу своего дѣтства, извѣстному поэту Вейгасту. Онъ чувствуетъ всю пустоту души Вейгаста, его творческое безсиліе. Онъ хочетъ ему открыть глаза и разрушить лживый пьедесталъ его славы и лживое обаяніе его семейнаго счастья, такъ какъ жена Вейгаста обманываетъ его. Но вотъ входитъ къ умирающему товарищу Вейгасту. Просвѣтленный смертью взоръ умирающаго останавливается на счастливымъ соперникѣ—и Радемахеръ молчитъ, такъ какъ онъ понимаетъ теперь, что онъ, умирающій, гораздо болѣе счастливъ, чѣмъ остающійся пока въ живыхъ его счастливый товарищъ.

Четвертая пьеса «Литература» затрагиваетъ тотъ же вопросъ, который разработанъ Шнитцлеромъ въ его драмѣ «Friewild». «Она» была замужемъ за филистеромъ, овдовѣла и стала писательницей, пережила веселые шумные дни «богемы» въ Мюнхенѣ и теперь снова хочетъ вернуться къ по-

койной жизни. Ея руки проситъ аристократъ-спортсменъ баронъ Клеменсъ. Но онъ требуетъ отъ своей невѣсты, чтобы она отказалась отъ мысли выступить въ свѣтъ своей послѣдній романъ и вообще отказалась отъ дальнѣйшаго писательства. Онъ считаетъ «плебействомъ» продавать публикѣ въ видѣ книгъ описаніе приключеній, даже если они только придуманы. О, если бы онъ зналъ, что книга эта—исповѣдь его невѣсты, описаніе ея любви къ одному писателю въ Мюнхенѣ. Дѣйствіе комедіи развивается необычайно остроумно. Баронъ вотъ-вотъ долженъ узнать истину, но въ концѣ концовъ онъ такъ и не узнаетъ ея и еще тверже вѣритъ въ добродѣтель своей жены: на всю жизнь онъ останется бѣднымъ, но счастливымъ глупцомъ.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе на нѣмецкую публику произвели послѣднія двѣ пьесы талантливаго писателя.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ХЕРСОНЪ. Большая часть зимняго сезона прошла съ благоприятными для антрепризы городскаго театра результатами. Сборы въ теченіе прошедшихъ 2½ мѣсяцевъ въ общемъ были средніе и во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ были у Каширина въ предыдущіе сезоны 1898—1899 и 1899—1900 гг., заработавшаго за эти два сезона болѣе десяти тысячъ рублей при четырехъ спектакляхъ въ недѣлю. Жалуются публика, что труппа слабая, а въ театрѣ все-таки ходитъ, такъ какъ некуда больше дѣваться. Развлеченій въ Херсонѣ, кромѣ театра, нѣтъ никакихъ, если не считать музыкально-семейныхъ вечеровъ разъ въ недѣлю въ городскомъ собраніи. Этимъ и объясняются сносные сборы въ городскомъ театрѣ, которые могли быть очень хорошими, еслибъ труппа была сильнѣе. Въ ней есть двѣ силы: г. Вронченко-Левицкій и г. Бѣлиновичъ (комикъ и бытовые роли). Особенно чувствуется отсутствіе въ труппѣ героини. Вотъ почему антреприза старается выбирать такіе пьесы, какъ «Уголокъ Москвы», «Трильби», «Потонувшій колоколь», «Педагоги», «Цыганка Занда», «Всѣ мы жаждемъ любви», «Трактирщица», «Хижина дяди Тома», «Нефтяной фонтанъ», «Шахта Георгій», «Война и миръ», «Заза», «Петръ Великій», «Измаиль», «Новый мѣръ», «Нюбея», «200.000» и т. д. Въ такихъ пьесахъ можно обойтись и со слабою труппою, а женскія роли въ нихъ играетъ премьерша труппы Назимова, отличающаяся хорошою внѣшностью и плохою дикціей. Пьесы классическаго репертуара совсѣмъ не ставятся, такъ какъ для исполненія таковыхъ нѣтъ силъ. Чуть-ли не 1/3 всего состава труппы состоитъ изъ мѣстныхъ любителей. На роли любовниковъ, вмѣсто оставившаго труппу г. Громова, приглашенъ, съ половины ноября г. Шумовъ.

Иногда выпускаютъ двухъаршинныя афиши съ разноцвѣтными словами и другими аксессуарами, что сдѣлалъ, напримеръ, Ратмировъ (простакъ), поставившій фарсъ «200.000». Обставляются спектакли прилично, костюмы, декорации, мебель, бутафорія и проч.—все свѣжо, хорошо и въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость Малиновской.

Театръ попечительства о народной трезвости въ предмѣстїи города, послѣ долгаго перерыва, съ первой половины ноября открылъ наконецъ свои двери. Каждое воскресенье въ немъ любителями ставятся спектакли, усердно посѣщаемые обывателями предмѣстья. Ставятся преимущественно малорусскія пьесы. Между любителями нельзя не отмѣтить г-жу Модалевскую и гг. Гринберга, Бородина и Столяренко, отдающихъ все свое свободное время театру и беззаветно преданныхъ ему. Ими, главнымъ образомъ, держится и процвѣтаетъ театръ.

ВОРОНЕЖЪ. Мѣстные старожилы не помнятъ такихъ бурныхъ и ожесточенныхъ преній въ нашей думѣ, какія происходили 21 декабря при рассмотрѣніи театральнаго контракта, выработаннаго театральною комиссіей. Дѣло въ томъ, что проектъ этого контракта уже разсматривался въ думѣ мѣсяцъ назадъ, и тогда уже пункты договора, воспрепятствующіе антрепренеру держать опереточную труппу и ставить фарсы, а также ставить вообще спектакли наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, вызвали сильный протестъ среди гласныхъ, но за позднимъ временемъ вопросъ остался открытымъ. Въ послѣднемъ засѣданіи управа предложила думѣ утвердить контрактъ, но многіе гласные потребовали рассмотрѣнія его по существу. Городской Голова А. Н. Безруковъ, настоявшій въ комиссіи о включеніи въ контрактъ пункта о воспрещеніи спектаклей наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, очевидно опасаясь, что этотъ пунктъ будетъ отвергнутъ думой, заявлялъ, что онъ не можетъ допустить обсужденія контракта, а предлагаетъ лишь утвердить его. Гласный Веселовскій (редакторъ-издатель мѣстной газеты «Донъ») горячо доказывалъ необходимость (?) такого воспрещенія, такъ какъ въ то время, когда благовѣсть призываетъ ко всенощной, толпа валитъ

въ театр. Рѣчь представителя мѣстной прессы вызвала весьма язвительныя возраженія. Гласные требовали пересмотра контракта, но городской голова упорно отказывалъ въ этомъ.—Страсти разгорались. Шумъ стоялъ невообразимый. Одинъ изъ гласныхъ кричитъ: «На счетъ разрѣшенія спектаклей существуютъ правительственные узаконенія, я мы не имѣемъ права дополнять и измѣнять ихъ, насъ засмѣютъ за это, администрація не утвердитъ такого постановленія». Другой гласный кричитъ, обращаясь къ городскому голове: «Это насиліе съ вашей стороны, вы не имѣете права запрещать пересмотръ контракта». Ставится на баллотировку вопросъ—утвердить-ли договоръ или пересмотрѣть его. Двѣнадцать гласныхъ отказываются отъ баллотировки и большинствомъ одного голоса дума рѣшаетъ утвердить контрактъ въ его первоначальномъ видѣ, т. е. изгнать оперетку и фарсъ и не разрѣшать спектаклей наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, не исключая и тѣхъ субботъ, которыя приходятся въ праздники Рождества и Масляной. И такъ, отнынѣ воронежскій театръ будетъ на особомъ положеніи. Въ то время, когда во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи будутъ спектакли въ первый день Троицы, въ субботу на Рождествѣ и Масляной и въ другіе праздничныя дни, приходящіяся въ субботу,—воронежскій театръ будетъ закрытъ. Безиримѣнный фактъ въ театральныя лѣтоисчислѣ!

Вообще, отношеніе городского управленія къ театру самое изумительное. За 15 лѣтъ существованія театра онъ ни разу не ремонтировался. Закопѣлыя, грязныя стѣнки и потолки съ потрескавшейся штукатуркой производятъ унылое впечатлѣніе. Печи отъ ветхости не даютъ тепла, и публика мерзнетъ и простуживается отъ постоянного вѣтра въ партерѣ. Водопроводныя трубы лопаются, крыша протекаетъ и т. под. И за такой театръ взимается баснословная аренда 8.000 руб. въ годъ, при чемъ самаго необходимаго театрального имущества не имѣется совершенно. Устройство электрическаго освѣщенія, всѣ декорации, мебель и прочее—все это составляетъ собственность нынѣшняго арендатора г. Линтварева. Къ этому надо прибавить, что театръ по среднимъ цѣнамъ вмѣщаетъ лишь шестьсотъ рублей съ небольшимъ сбора и даетъ влового дохода 32—35 тысячъ въ сезонъ. Принявъ все это во вниманіе, надо воздать должное энергіи г. Линтварева. Во всякомъ случаѣ, вести дѣло при наличныхъ условіяхъ—не легко.

А. С.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Два мѣсяца антрепризы А. А. Тонни принесли убытка, судя по доставленному мнѣ отчету, 4230 р. 97 к. За 54 спектакля взято 12.943 р. 76 к., вѣшалка сдана была за 300 р. и буфетъ за 250 р.—всего дохода 13.593 р. 76 к.—Расходъ: жалованье 12.043 р. 70 к.; Въ эту сумму входитъ жалованье самаго Тонни за два мѣсяца 600 р., за костюмы его 600 р. и г-жи Марченко-Тонни—1000 р.

Оклады нельзя считать чрезмѣрными. Такъ, окладъ въ 500 р. первой каскадной пѣвицѣ съ громаднымъ репертуаромъ не выходитъ изъ обычныхъ границъ. Бенефисныхъ было выдано 695 р. 57 к., за расклейку афишъ, тумбы—246 р. 50 к., типографія уплачено 656 р. 35 к., авторскихъ—350 р., нарядъ, полици и пожарнымъ—166 р., освѣщеніе и отопленіе—563 р., за театр (6% со сбора)—708 р. 39 к., отступнаго за театръ раньше снявшему его лицу 300 р., передѣлка театра—625 р., непредвидѣнные расходы, устройство сцены, декорации—441 р., корреспонденція—226 р. 31 к., дорожныя труппѣ—799 р. 55 к.—всего расходу 17.824 р. 73 к. Потерѣвъ убытокъ, г. Тонни, уплативъ все, кромѣ 600 р. тремъ артистамъ, объявилъ труппѣ, что далѣе вести дѣло не можетъ, если ему придется платить жалованье впередъ. Теперь рѣшено продолжать дѣло на маркахъ и распорядителемъ товарищества выбранъ теноръ Писаревъ. Изъ состава товарищества выбылъ только г. Форесто (баритонъ). Труппа рассчитываетъ пробыть здѣсь до 7 января, загѣмъ поѣхать въ Ростовъ, Нахичевань, можетъ быть Таганрогъ и, если дирекція полтавскаго театра согласится перенести заранѣе условленное съ г. Тонни начало сезона на болѣе поздній срокъ, то поѣдутъ и въ Полтаву. Въ общемъ на кругъ взято 250 р.; весь убытокъ падаетъ на содержаніе и перестройку страшно запущеннаго зданія деревяннаго театра. Тѣмъ досаднѣе за г. Тонни, что онъ выписалъ труппу, заручившись согласіемъ старшинъ 2 собранія, гдѣ ему пришлось бы платить за вечеръ всего 20 р. и такимъ образомъ расхода было бы меньше на 1500 р. Да и сборы были бы лучше, такъ какъ публика боялась ходить въ деревянный, неудобный театръ. Къ сожалѣнію, общее собраніе не одобрило рѣшенія своихъ старшинъ, и г. Тонни, имѣя уже на рукахъ труппу, полагаясь на общаніе старшинъ, принужденъ былъ пріютиться въ какомъ-то сараѣ. Довольно странно, что въ г. Екатеринодарѣ съ 60.000 населенія нѣтъ зимаго театра. Его пора построить, о чемъ, впрочемъ, въ своей вступительной рѣчи и заявилъ вновь избранный городской голова г. Чистяковъ, намѣтившій постройку театра чуть-ли не одной изъ главныхъ задачъ новой думы.

Любительскіе кружки дѣятельно продолжаютъ ставить спектакли. 27-го кружокъ общества изящныхъ искусствъ ставитъ «Воспитателя Флакмана», который, кстаги сказать, прошелъ недурно и у опереточныхъ артистовъ (Форесто, въ

особенности Тумашевъ, Потѣхинъ, Поляковъ и Туманскій хорошо провели свои роли). Юбилей Гоголя любители думаютъ ознаменовать постановкой «Ревизора» въ военномъ собраніи и «Женитьбой» во 2-мъ собраніи. Большимъ успѣхомъ пользуются симфоническіе концерты, устраиваемые г. Эснозито, извѣстнымъ опернымъ дирижеромъ. Войсковой оркестръ дѣлаетъ видимые успѣхи, благодаря его умѣнью и труду. Жаль, что въ оркестрѣ нѣтъ хорошихъ солистовъ. На одномъ изъ концертовъ въ первый разъ сыграна была здѣсь соната Грига, непонятая публикой, несмотря на очень хорошее исполненіе г-жи Ингалъ-Вейбергъ (московской консерваторіи) и немного холоднаго скрипача г. Бергера.— Съ 16 января будетъ играть труппа Шиллдрета съ бр. Адельгеймъ.

А. С.—нѣ.

ЧЕРНИГОВЪ. Курьезный спектакль происходилъ здѣсь недѣлю. Нынѣшній театральныи сезонъ нельзя назвать удачнымъ. Сборы плоховаты. И вотъ, администрація театра задумала поставить «Гамлета», поручивъ главную роль антрепрениру! За недѣлю расклеили особія объявленія (летучки). Подновлялись и перенивались костюмы, а артисты по два раза въ день репетировали. Ожидалось нѣчто особенное, торжественное. Не только «Гамлет» играла женщина, но и Розенкранца съ Гильденстерномъ изображали актрисы. Каковъ былъ доморощенный «Гамлетъ», каково было душевное настроеніе всѣхъ артистовъ, невольныхъ участниковъ въ антрепренирской выходкѣ и что вышло изъ сего представленія—судить легко. Одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ написалъ даже народію на этотъ спектакль, изъ косяго приводимъ нѣкоторыя отрывки.

Сцена 2. Дѣйствіе 1.

Сцена представляетъ комнату, которую мы видѣли у актрисы Нильской въ драмѣ «Буреломъ», только отсутствіе мебели показывается, что Нильская, очевидно, перѣехала на другую квартиру, — уступивъ это помѣщеніе датскому королю Клавдію, надо полагать неприхотливому и нетребовательному человѣку. Въ глубинѣ у задней стѣны, подъ кумачевымъ балдахномъ, съ украшеніями изъ золотой бумаги, ни дать, ни взять—какъ на каруселяхъ, что бывало на Марсовомъ полѣ,—поставлены, на возвышеніи, два стула съ прямыми спинками. Когда-то эти самые стулья были бѣлыми; но теперь имѣютъ желтовато-сѣрый цвѣтъ съ пятнышками. Тѣмъ не менѣе надо разумѣть, что это тронъ королевскій чисты. На сценѣ находятся: король, королева, Гамлетъ, Полоній, Офелія, Лаэртъ и возлѣ трона два статиста, олдѣтые но что-то непонятное и грязное. Придворные отсутствуютъ, надо полагать—по болѣзни.

К о р о л ь.

Сколь намъ ни дорого твореніе Шекспира,
Но волей— выше нашей— мы должны
Здѣсь, при свидѣтеляхъ, сегодня зло, безбожно
Донельзя исказить твореніе сіе,
Единымъ окомъ проливая слезы,
Другое мы къ веселью обратимъ,
Замѣтивъ, что смотрѣть на этотъ грѣхъ
Соплосъ зрителей не болѣе десятка,
Къ тебѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаэртъ.
Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ:
Скажи, чего желашь ты?

Л а э р т ь.

Позвольте, государь,
Отсюда мнѣ скорѣе удалиться
И безъ свидѣтелей, въ уборной, въ уголку
Краснѣть за то, что совершаю нынѣ.

К о р о л ь.

Ну, а позволить-ли тебѣ то режиссеръ?

Л а э р т ь.

О, государь, повѣрьте,
Мое отсутствіе онъ не замѣтитъ,
Онъ выпустилъ афишу и считаетъ,
Что тѣмъ обязанность его завершена.

К о р о л ь.

Ну, если такъ, то можешь удалиться,
Лаэртъ!—Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ Гамлетъ.

Г а м л е т ь (въ сторону).

Немного больше брата, меньше сына!..

К о р о л ь.

Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?
Мы видимъ доброе въ твоей печали, Гамлетъ.
Ты ужъ клянeshь себя за дерзость, самомнѣнье...
Но дѣлать нечего,—ломайся до конца.
Мы, сколько въ силахъ, всѣ тебѣ поможемъ,
Но думаемъ, что повторить такую дурь же ты рискнешь.—
Останься, какъ и прежде героиней,
Грандъ-дамъ и грандъ-кокетъ, и энженю и прочимъ,
Но въ резонеры и любовники не лѣзь.

И т. д.

Послѣ этого курьезнаго спектакля сборы еще болѣе упали.

Т. С.

НОВОЧЕРКАССКЪ. 16 декабря, во 2-й бенефисъ М. А. Юрьевой; поставлена была «Симфонія». «Симфонія» прошла очень хорошо: крупный успѣхъ бенефициантки въ роли Елены Протичъ, блеснувшей и на этотъ разъ не только изящными, но и очень дорогими костюмами, раздѣлили въ особенности гг. Васильевъ (Ладогинъ) и Михайловъ (Григорьевъ), хорошъ былъ въ роли Бруха г. Каширинъ и даже г. Андреевъ-Ростовцевъ оказался на своемъ мѣстѣ въ роли Розенфельда.

18 декабря въ первый разъ поставлена истор. хроника В. Крылова «Петръ Великій». Хотя изъ 14 картинъ этой пьесы шло у насъ только 8, постановка ихъ потребовала крупныхъ затратъ со стороны дирекціи и антрепренера и массы труда со стороны режиссера. Всѣ декорации безъ исключенія, а также и костюмы для 63 (!) персонажей были сдѣланы вновь. Кроме этого, въ качествѣ статистовъ, тоже въ новенькихъ костюмахъ, выступила почти цѣликомъ сотня казаковъ мѣстной команды, вооруженныхъ, увы, хотя и старого образца, но не старинными ружьями. Вся эта масса народу двигалась, маршировала, заполняла сцену, кричала, дралась; казаки стрѣляли залпами, отчего не только сцена, но и зрительный залъ наполнились удручающимъ пороховымъ дымомъ; «Петръ» на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ развѣзжалъ по сценѣ; носили на носилкахъ безмольнаго «Карла»; дважды пѣлъ цѣлый хоръ пѣвчихъ; въ 7-й картинѣ даже и потанцовали немного... При всемъ томъ пьеса, въ смыслѣ художественномъ, оставила безобразное впечатлѣніе.

Г. Петровъ-Краевскій, исполнившій роль Петра, правда, заставлялъ биться «патриотическія» сердца, правда хорошъ былъ г. Каширинъ въ эпизодической роли Мазепы и г-жа Юрьева (царевна Софья). Остальные исполнители и исполнительницы, гнѣвцы, танцоры и статисты были и смѣшны и жалки. А въ пьесѣ участвовала вся труппа, при чемъ многие исполняли по 2, а нѣкоторые даже по 3 роли! За премьеровъ и премьершъ было просто обидно: что они могли, бѣдные, создать изъ того матеріала, который предоставилъ въ ихъ распоряженіе авторъ-композиторъ?! Дѣйствія и картины длились по нѣсколькимъ минутъ, антракты—по получасу, такъ что наконецъ и публика измучилась. Конечно, при послѣдующихъ постановкахъ (а ихъ неизбѣжно будетъ нѣсколько, иначе не стоило и огородъ городить!) нѣкоторые шероховатости сгладятся, антракты сократятся; но драматическій «воплъ» именитаго драмодѣла не стоилъ постановки, и ни съ матерьяльной, ни съ нравственной стороны не вознаграждаетъ затраченныхъ трудовъ и расходовъ.

21-го декабря въ бенефисъ С. И. Крылова поставлена была драма Найденова «Дѣти Ванюшина» и шутка В. Билибина «Чучело». Въ противоположность предыдущему, этотъ спектакль оказался настоящимъ триумфомъ какъ для артистовъ, такъ и для антрепренера.

Обладающая крупными литературными достоинствами пьеса г. Найденова обставлена и исполнена была у насъ съ полнѣйшимъ ансамблемъ. Роли старика Ванюшина и Алексѣя нашли себѣ прекрасныхъ исполнителей въ лицѣ гг. Каширина и Васильева. Да и остальные артисты: г. Петровъ-Краевскій (Константинъ), Грессеръ (Щеткинъ), Юрьева (Инна), Вадимовъ (Красавинъ), Невѣрова (Арина Ивановна), Казанская (Клавдія), Вейманъ (Людмила), Орликъ (Елена), Вадямова (Аня), Ринальдо (Катя), Англичанова (экономка), и Панаева (генеральша) толково и жизненно исполняли свои роли.

Между пьесой и водевилемъ, исполненнымъ «премьерами» весело и забавно, состоялось при открытомъ занавѣсѣ чество-

ваніе труппой С. И. Крылова. В. Ю. Вадимовъ поднесъ антрепренеру цѣнный подарокъ отъ труппы и сказалъ привѣтственную рѣчь. Затѣмъ при вторично поднятомъ занавѣсѣ прочувствованную рѣчь сказала сотрудница С. И. Крылова по составленію труппы и хозяйственной части, ветеранъ нашей сцены М. И. Михайловъ.

Оба оратора охарактеризовали С. И. Крылова, какъ дѣлать, честнаго, некорыстолюбиваго антрепренера, сердечно и участно относящагося ко всѣмъ приглашаемымъ имъ артистамъ и пользующагося среди нихъ теплыми симпатіями. Въ рѣчи своей г. Михайловъ упомянулъ о предстоящей С. И. Крылову новой эпохѣ его антрепренерской дѣятельности, и публика съ изумленіемъ узнала, что Крыловъ снялъ уже ростовскій бывшій Асмоловскій театръ, такъ что въ будущемъ зимнемъ сезонѣ у него будутъ двѣ драматическихъ труппы—одна для Новочеркасска и другая для Ростова.

То, что въ свое время не было разрѣшено Н. Н. Синельникову (арендовать одновременно оба сосѣднихъ театра) оказывается разрѣшеннымъ С. И. Крылову; но, по слухамъ, дирекція новочеркасскаго театра потребуетъ, чтобы для Новочеркасска была составлена совершенно самостоятельная труппа, при чемъ лишь при постановкѣ очень сложныхъ пьесъ, можетъ быть допущено участіе свободныхъ артистовъ изъ другой труппы.

Дѣйствительно С. И. Крыловъ вступаетъ въ новую эпоху своей дѣятельности, расширяя ее все болѣе и болѣе. На нашихъ глазахъ онъ былъ (и довольно долгое время) лишь арендаторомъ ротонды и лѣтнаго театра Александровскаго сада, затѣмъ антрепренеромъ лѣтнаго новочеркасскаго театра, потомъ—зимняго, и, наконецъ, антрепренеромъ зимняго новочеркасскаго и лѣтнаго екатеринодарскаго театровъ. Теперь онъ одновременно составляетъ двѣ большихъ труппы, — для которыхъ потребуется около ста служащихъ.

Въ добрый часъ!

Матовъ.

Репертуаръ Императорскихъ Спб. театровъ

съ 31-го декабря 1901 года по 6-е января 1902 года.

Александринскій театръ. 31-го декабря. Утромъ: «Снѣгурочка», весел. сказка. — Вечеромъ: «Оруженосецъ», драм. сказка. — «Въ отвѣтъ», пьеса. — 1-го января. «Оруженосецъ», драм. сказка. — «Идеальная жена», ком. — 2-го. «Комета», эпизодъ. — 3-го. «Лишенный правъ», пьеса. — 4-го. «Чародѣйка», траг. — 6-го. Утромъ: «Закалъ», др. — Вечеромъ: «Завѣщаніе», ком.

Михайловскій театръ. 31-го декабря. «Grasse matinée», com. — «L'affaire Mathieu», com. (Abonnement suspendu). — 1-го января. «Crime et châtement», scènes (1-er abonnement, spect. № 16). — 2-го. «Омутъ», ком. — 3-го. «Crime et châtement», scènes (2-ème abonnement, spect. № 16). — 4-го. «Свадьба Кречинскаго», ком. — 6-го. «Bénéfice de m-r Hittmans. «Le fils sur naturel», com. bouffe. (Abonnement suspendu).

Маринскій театръ. 31-го декабря. «Тангейзеръ», оп. (9-е представление 4-го абонемент). — 1-го января. «Дубровскій», оп. — 2-го. «Дочь Фараона», бал. (25-е представление абонемент). — 3-го. «Отелло», оп. (8-е представление 2-го абонемент). — 4-го. «Волшебный стрѣлокъ», оп. — 6-го. Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», оп. — Вечеромъ: «Пахита», бал. — «Очарованный лѣсъ», бал. (26-е представление абонемент).

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

М. Г. ЮЗЛЬСОНЪ.

Принимаетъ ежедневно отъ 11 до 9 ч. веч.

Леченіе. Пломбированіе.

Удаленіе и вставленіе

искусственныхъ зубовъ.

Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.

Помощь постоянная.

У М А Н Ъ.

Городской театръ сдается гастрольнымъ труппамъ. За подробностями обращаться: Н. П. Гольденбергу, Умань, Кіев. губ. 4443 2—1

ИЩУ АНГАЖЕМЕНТА

на 1902 и 1903 годъ. На роли характерныхъ и комическихъ старухъ, Ф. И. Щеглова. Таганрогъ Европейскаго го- стинница № 3-й. Обращаться письменно лично ко мнѣ.

4440 2—1

О М С К І Й

театръ-циркъ съ первой недѣли Великаго поста до Сентября 1902 г. свободенъ отъ антрепризы. Театръ вмѣщаетъ по обыкнов. цѣнамъ до 700 и бенефиснымъ до 1000 руб. сбора. При сценѣ имѣются декорации, мебель. Обращаться: Омскъ, Мокрое, 1-й взвозъ, свой домъ, къ владѣльцу театра Петру Козьмичу Сичкареву.

4442 2—1

КАРАМЕЛЬ

изъ травъ отъ кашля

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семаденн, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

4419 13—6

Высылаются наложеннымъ плат. новыя изд. «Т. и Иск.»

„Милліоны въ огнѣ“ въ 5-ти дѣяствіяхъ, Л. Жданова. Ц. 2 р.

„ЗОЛОТОЕ РУНО“ Пшебышевскаго, въ 3-хъ д. Ц. 1 р. 50 к.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА
ДЛЯ ДЕКЛАМАЦІИ

Сборникъ избранныхъ стихотвореній.

Сост. членъ кружка любит. худ. чтен. и муз. въ Сиб. С. П. Елисеѣвъ при содѣйствіи артистовъ Императорскихъ театровъ: П. А. Стронетовой, И. Л. Глазунова, Ю. Э. Озаровскаго, В. И. Петрова, М. И. Писарева, а также гг. А. А. Захарьина, В. В. Чехова и др.

Книга заключаетъ 382 стран. больш. формата. Цѣна 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 руб. Выписывающіе отъ издателя С. П. Елисеѣва (СПБ., Больш. Московская, д. 4, кв. 8) за пересылку не платятъ. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. П. Сойкина, Невскій, 96, уг. Надеждинской.

4441 1--1

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Поставщицы Императорскихъ

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОЛЮЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царскосельскаго просп., д. № 40—4

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

== „ДЕЛИВА“ ==

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

№ 4420. 10—9.

Театръ „ФАРСЪ“.

ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. (Главный подъѣздъ съ В. Итальянской ул.). Телефонъ № 2779.

Дирекція: В. А. Казанскій.

Въ Среду, 2-го, Четвергъ, 3-го, Пятницу, 4-го и Субботу, 5-го.

„Новое Обозрѣніе Петербурга“

Юмористическое представленіе въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Новая декорация 1) Аптеозъ „Двухсотлѣтіе Петербурга“, работы извѣстнаго художника г. Гобе; 2) „Невскій проспектъ“ работы художника г. Яковлева.—Новые костюмы.—Новая буффорія.—Въ пьесѣ участвуетъ болѣе 150 чел.—Подробности въ афишахъ.

Репертуаръ составленъ предположительно и можетъ быть измѣненъ по неважнымъ отъ дирекціи обстоятельствамъ.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Билеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ А. И. Ивановъ.

ШАМПАНСКОЕ
КРИСТАЛЬ
СЕКЪ и ДЕМИ-СЕКЪ

ТЕОФИЛЬ РЕДЕРЕРЪ & КО
РЕЙМСЪ
ФИРМА СУЩЕ СЪ 1864 Г.

Имѣется во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ и виноторговляхъ.

25-9

ЛУЧШІЙ
ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ

4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

ПРЕВОСХОДНЫЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ
И ДЕШЕВЫЕ ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ
ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ
И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

№ 4397. 5—3.